

283
670

АЛЕКСАНДРЪ ЯРОСЛАВИЧЪ НЕВСКІЙ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ и ВСЕЙ РУСИ.

Историко-біографическій очеркъ.

68943-44
Историко-біографическій очеркъ
В. И. ЛЕВИН
С. С. С.

Сій князь Олександръ бѣ побѣдѣя, а не побѣдѣмъ.

Продолжатель Нестора.¹⁾

Александръ Невскій, сопричтенный православной церковью къ лику святыхъ, занимаетъ дѣйствительно видное мѣсто въ ряду самыхъ крупныхъ личностей Русской Исторіи. Имя его, не только гремѣвшее на Руси XIII вѣка, но извѣстное тогда и въ странахъ отдаленныхъ, перешло къ потомству прочно и, въ обстановкѣ подвиговъ святаго князя, сдѣлалось именемъ одного изъ любимыхъ героевъ народныхъ преданій. Подвиги Александра тѣмъ ярче, знаменитѣе и народнѣе, что они чужды себялюбія, въ большей или меньшей степени, свойственнаго дѣятельности другихъ, исторически-замѣчательныхъ, государей русскихъ. Александръ, по общо-гласному свидѣтельству лѣтописцевъ, много тружившися за землю русскую, и за Новгородъ и за Псковъ и за все великое княженіе животь свой отдавая, и за правобѣрную вѣру», «за православное христіанство»²⁾. Мудрено ли, что русская земля помнитъ святаго «страдальца» за нее, а современники Александра Невского, проникнутые очевидно неподдѣльными чувствами любви, благодарности и удивленія къ нему, сравниваютъ своего героя и съ Александромъ Македонскимъ и съ Ахиллесомъ³⁾.

Александръ, именуемый Невскимъ, второй сынъ Ярослава II Всеволодовича, великаго князя кіево-владимірскаго и всей Руси, родился 30 мая⁴⁾ 1220 г.⁵⁾, въ Переславѣ-Залѣсскомъ, гдѣ его отецъ жилъ тогда удѣльнымъ княземъ. Матерью Александра была Ростислава-Феодосія Мстиславовна, вторая⁶⁾ жена Ярослава II, дочь Мстислава Мстиславича, знаменитаго князя галицкаго и новгородскаго, сывущаго въ лѣтописяхъ *Удалымъ* или *Удалымъ*, также *Храбрымъ*⁷⁾.

О самомъ раннемъ дѣтствѣ Александра никакихъ лѣтописныхъ извѣстій нѣтъ. Можно, впрочемъ, предполагать съ достовѣрностью, что дѣтство это принадлежитъ не одному Переславлю. Такъ, уже въ 1223 г., видимъ Ярослава, отца 3-хъ-лѣтняго тогда Александра, переѣзжающимъ изъ Переслава, разумеется, со всей семьей, на княженіе въ Новгородъ, — откуда однако Ярославъ, поссорившися съ новгородцами, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился домой. А въ 1225 г., онъ былъ приз-

скаго и всей Руси, родился 30 мая⁴⁾ 1220 г.⁵⁾, въ Переславѣ-Залѣсскомъ, гдѣ его отецъ жилъ тогда удѣльнымъ княземъ. Матерью Александра была Ростислава-Феодосія Мстиславовна, вторая⁶⁾ жена Ярослава II, дочь Мстислава Мстиславича, знаменитаго князя галицкаго и новгородскаго, сывущаго въ лѣтописяхъ *Удалымъ* или *Удалымъ*, также *Храбрымъ*⁷⁾.

¹⁾ Татищевъ: Исторія российская съ древнѣйшихъ временъ (до 1463 г.). Изд. 1768—1784. кн. III, с. 423.

²⁾ По крайней мѣрѣ, не раньше этого года, такъ какъ старшій сынъ Ярослава II, Федоръ, родился, по свидѣтельству лѣтописей, въ 1219 г.

³⁾ Нѣкоторые считаютъ ее третьей женой Ярослава II, бывшаго въ первомъ бракѣ съ княжной половецкой, неизвѣстной по имени. Но лѣтописи говорятъ только о *двухъ* женитьбахъ Ярослава, въ 1206 и 1214 г. А лѣтописецъ Переславлъ Суздальскаго (изд. 1851. Предисл. с. III) указываетъ на большое потомство Ярослава II именно отъ матери Александра Невского.

⁷⁾ Этому Мстиславу храбраго не должно смѣшивать съ другимъ того же прозвища, его отцомъ, Мстиславомъ Ростиславичемъ, княземъ новгородскимъ, причтеннымъ православной церковью къ лику святыхъ.

¹⁾ Лаврент. Лѣтоп. с. 205. Полн. Соб. Рус. Лѣт. Изд. 1846. т. I.

²⁾ Русская лѣтопись съ Воскресенскаго гнѣска. Изд. 1793.—Лѣтописецъ Новгородскій. Изд. 1781 г. с. 148.

³⁾ Временникъ (Софійскій) или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534. Изд. 1820. ч. I, с. 273.

ванъ снова на княженіе тѣми же Новгородцами, «характеръ которыхъ—замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ историковъ—отличался живостію и измѣнчивостію»⁸⁾. Здѣсь, въ Новгородѣ, Александръ достигнулъ отрочества и, вѣроятно, подвергнуть обряду *постриговъ*, который, въ княжескомъ быту того времени, совершался, какъ кажется, неупустительно и состоялъ въ томъ, что ребенка-княжича, иногда 4-хъ лѣтняго, послѣ известнаго молитвословія надъ нимъ въ храмѣ, торжественно сажали на коня и опоясывали мечемъ. Къ этому же періоду должно отнести и начало грамотности Александра, между тогдашними князьями уже на столько распространенной, что составителямъ «Житія» Александра не стоило бы вводить, особенно для восхваленія святаго князя, такую фразу: «родивше, родители его (Александра) паки второе породиша и святымъ крещеніемъ, и святымъ книгамъ научиша его»⁹⁾. Гораздо лучше было бы составителямъ сказаннаго «Житія» пояснить фактами и другую свою же фразу, безъ такого объясненія—голословную, что Александръ «отъ юна возраста и отъ младыхъ ногтей всякому дѣлу благу наученъ бывъ»¹⁰⁾. Не придавая значенія подобнымъ фразамъ, мы однако не можемъ отвергнуть, чтобъ ребенокъ-княжичъ вообще, стало быть и Александръ, одновременно съ началомъ грамотности, даже раньше того, не получалъ и первыхъ зачатковъ развитія нравственнаго, тогда своеобразнаго, пожалуй, односторонняго, но все таки—развитія. Эта сторона образованія ограничивалась семьей—и исчерпывалась преподаваніемъ княжичу, въ смыслѣ примѣра, подвиговъ, добродѣтелей и важнѣйшихъ событій жизни только его предковъ. Чтобъ понять такую особенность, надо всмотрѣться въ миросозерцаніе русскихъ людей удѣльнаго періода, среди которыхъ родился и росъ Александръ, будущій Невскій. «Семья—говоритъ одинъ изъ исследователей этого періода—была для нихъ богѣе, чѣмъ жизнь: она храмъ, святыня. Для нея благо міра, для нея всѣ силы, всѣ помыслы, для нея молитвы, вся жизнь. Чувство семейное двигаетъ всеми дѣлами періода удѣловъ; оно говорило въ князьяхъ, въ дружинахъ, въ народѣ. Въ этомъ чувствѣ мѣръ, нѣтъ ни войны, ни тревогъ»¹¹⁾. И княжичъ Александръ, воспринимая первыя впечатлѣнія въ лонѣ такой семьи, слушалъ, съ живымъ любопытствомъ ребенка, безъискусственную повѣсть о своихъ предкахъ, изъ которыхъ, напр., дѣдъ его по отцу, Всеволодъ III Юрьевичъ Большое-Гнѣздо, великій

князь владиміро-суздальскій и всей Руси, умершій лѣтъ за восемь до рожденія Александра, «не токмо—говоритъ лѣтописецъ—единой суздальской земли *заступникъ* бѣ, но и всѣмъ странамъ землѣ роуескыя, и новгородской, и муромской»¹²⁾. Кто знаетъ, не оставался ли этотъ примѣръ дѣда завѣтомъ и для внука.

На сцену историческаго дѣйствія будущій Невскій выступаетъ впервые въ 1228 г., когда Ярославъ, отецъ его, велѣдствіе неладовъ съ Пековымъ, братомъ Новгороду, уѣхалъ съ своей княгиней, въ Переяславъ, оставивъ въ Новгородѣ двухъ старшихъ сыновей, Федора и Александра, обоихъ подъ надзоромъ вельможи Федора Даниловича и тиуна Иоакима. Отроки-князья, въ отсутствіе родителей, видѣли мало радости: «Той же осени—повѣствуетъ лѣтописецъ—наде дѣжгъ (дождь) великъ день и ночь, на Госпожинъ день (15 августа) оли и до Никуліна дня (6 декабря) не видѣли свѣтла дни; ни сѣна людемъ бѣше лѣѣ добыти, ни нивѣ дѣлати». Къ этому естественному бѣдствію присоединилось и политическое: вольнолюбивый Новгородъ всталъ мятежемъ, выгналъ архіепископа, разграбилъ дома своихъ бояръ и, отъ имени вѣча, послалъ къ Ярославу гонца съ разными требованіями. Но Ярославъ медлил отвѣтомъ, а Новгородъ продолжалъ бушевать—и оба княжича, сыновья Ярославовы, были увезены изъ Новгорода своими дѣдыми тайно, ночью, уже на первой недѣлѣ поста 1229 г. Узнавъ объ этомъ побѣгѣ, Новгородцы говорили: «даждь что зло съдумавъ на святую Софію, а побѣгъ, а мы ихъ не гонили, чѣмъ братью свою есме казнили, а князю есме зла не створили ни котораго же; да оно имъ Богъ и крестъ честныи; а мы собѣ князя промыслимъ»¹³⁾. Не дальше однако, какъ въ слѣдующемъ же 1230 г., Новгородцы, разсорившись съ новымъ княземъ своимъ, Михаиломъ черниговскимъ (впоследствии святымъ), воспользовались отъѣздомъ его въ Черниговъ, подняли усобицу—и призвали къ себѣ опять Ярослава, который и явился къ нимъ, съ сыновьями Федоромъ и Александромъ, 30 декабря. Но въ половинѣ января 1231 г. Ярославъ возвратился въ Переяславъ, собирать полки на Михаила черниговскаго, а оба княжича, по прежнему, остались въ Новгородѣ и тутъ, съ наступленіемъ весны, были очевидцами страшнаго бѣдствія, голода, какого Новгородъ и не запомнилъ: «Что глаголати бывшей на насъ отъ бога казни? восклицаетъ лѣтописецъ; яко ниш простая чадь рѣзяху люди живыи и ядаху, а ниш мѣртвая мяса и труніе обрѣзаяще ядаху, а друзи конину, пшину, кошки... ниш же мѣхъ (мохъ) ядаху, ушь (лыки), сосну, кору липову и листь ильмъ, кто что замысли. А ниш накы злии человекѣи почаша добрыхъ людиі дома зажигати, кдѣ чюкоче рожь, и тако

⁸⁾ Костомаровъ: Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно вѣчеваго уклада. Изд. 1863, ч. I, с. 102.

⁹⁾ «Житіе св. Александра», рукопись въ библиотекѣ С.-Петербургской духовной Академіи. № 273.

¹⁰⁾ Тамъ же.

¹¹⁾ Пассекъ: Общій очеркъ періода удѣловъ. Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1868. Кн. III. отд. I, с. 6.

¹²⁾ Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго. Изд. 1851. с. 110.

¹³⁾ Новгородская первая лѣтопись, с. 44. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. III. Изд. 1841.

разграбливахуть имѣніе ихъ... а видяще предъ очима нашимъ гнѣвъ божій: мѣртвѣцы по улицамъ и по тѣргу и по мосту по великому, отъ псы и изъѣдаемы, оже не можаху погребати... братъ брату не съжаляшеться, ни отецъ сынови, ни матери дѣчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣбо; не бысть милости межи нами, нѣ быше туга и печаль. на улицы скѣрбь другъ съ другомъ, дома тѣска, зряще дѣтти плачуще хлѣба, а другая умирающа. и даяху отци и матери дѣтти свое одѣренъ (закладъ), изъ хлѣба, гостымъ (купцамъ)»¹⁴⁾. Такое зрѣлище, надо полагать, оставило свой слѣдъ въ памяти сердца 11-ти лѣтняго Александра, которому суждено было, еще черезъ два года, извѣдать горе болѣе личное, слѣдственно, болѣе тяжкое: старшій братъ его Феодоръ, съ Александромъ до сихъ поръ неразлучный, сдѣлавъ, по приказанію св. великаго князя Юрія II, роднаго дяди своего, походъ на Мордву, изготовился вступитъ въ бракъ съ невѣстой, уже приведенной къ жепху, и—умеръ внезапно, въ Новгородѣ, 5 іюня 1233 г.¹⁵⁾ Въ слѣдующемъ 1234 г. Александръ былъ свидѣтелемъ выступленія отца своего изъ Новгорода къ Дерпту, на ливонскихъ рыцарей, а оттуда къ Старой Русѣ и дальше, въ Торопецъ, на Литовцевъ, грабившихъ русскіе предѣлы,—по поводу чего неизвѣстный описатель жизни Александра не оставляетъ замѣтить, что «промыслу Божію, казалось, угодно было предварительно открыть будущему защитнику новгорода и всей земли русской всѣ и внутреннія неустройства, и виѣнныя опасности края, гдѣ ему надлежало впоследствии дѣйствовать»¹⁶⁾. Начало этого «дѣйствія» можно отнести къ 1236 г., подъ которымъ въ лѣтописи отмѣчено: «Поиде Ярославъ изъ Новгорода Кіеву на столъ, а въ Новгородѣ посади сына своего Александра»¹⁷⁾. Съ Александромъ осталась въ Новгородѣ и мать его, княгиня Ростислава Феодосія¹⁸⁾.

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, княземъ новгородскимъ, безъ наследственныхъ владѣній гдѣ либо и безъ всякой военной или другой поддержки со стороны отца, которому въ Кіевѣ было уже не до Новгорода, 16-ти лѣтній Александръ приобрѣталъ самостоятельность трудную и, въ сторонѣ отъ Владиміра и Кіева, этихъ двухъ узловъ тогдашней русской государственности, представлялся средствамъ собственно новгородскимъ. Средства эти, положимъ, были; и Новгородцы, тогда уже богатые, если и видѣли въ Александрѣ сына Ярослава, для

¹⁴⁾ Тамъ же, с. 47.

¹⁵⁾ Тѣло князя Феодора Ярославича, погребенное первоначально въ новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, въ 1614 г. найдено нетлѣннымъ и положено св. мощами въ Рождество-Богородицкомъ придѣлѣ новгородскаго Софійскаго собора.

¹⁶⁾ Жизнь святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невского, въ инокествѣ Алексія. Изд. 1853, с. 23.

¹⁷⁾ Новгородская четвертая лѣтопись, с. 30. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. IV. Изд. 1848.

¹⁸⁾ «Житіе св. Александра», рукопись Спб. Дух. Акад. № 273.

нихъ тяжелаго, то видѣли въ немъ также внука Мѣстислава галичскаго, память котораго была дорога для Новгорода, привыкнущаго къ тому же считать и самого Александра какъ бы своимъ вскормленникомъ. Советамъ тѣмъ Новгороду, лишенному теперь низоваго подспорья, предстояла неизбежная борьба съ его естественными врагами и сосѣдями, Нѣмцами и Литовцами, которые, напротивъ, къ этому времени усилились: Ливонцы слились съ воинственнымъ нѣмецкимъ орденомъ св. Маріи. Шведы окрѣпли побѣдами своего знаменитаго полководца Биргера, а Литовцы, опасные и прежде, въ 1237 г. одержали важную побѣду надъ соединенными силами Ливонцевъ и Пеговитянъ¹⁹⁾. Но еще раньше вступленія въ борьбу съ Нѣмцами и Литвой, Александру пришлось извѣдать всю тягость ожиданія другой борьбы—съ Татарами, роковое имя которыхъ, не слышное со временъ несчастнаго пораженія русскихъ князей на р. Калкѣ, въ 1224 г., уже наполняло снова ужасомъ землю русскую. Свирѣпый Батый, двинувшись отъ степей при-тибетскихъ, вторгнулся въ Европу, испепелилъ Великій городъ, столицу царства болгарскаго на Волгѣ; въ декабрь 1237 г. взялъ приступомъ Рязань, при чемъ всю область рязанскую, по выраженію краснорѣчиваго Исторіографа, обратилъ «въ неизмѣримое кладбище»²⁰⁾: въ февраль 1238 г. разорилъ Владиміръ и истребилъ всѣхъ жителей въ Суздаля, а въ мартѣ разбилъ, на р. Сити, св. Юрія II Всеволодовича, великаго князя владимірскаго, тутъ же положившаго свою голову, и быстро шель къ предѣламъ новгородскимъ, въ которыхъ, послѣ двухъ недѣльной жестокой осады, овладѣлъ Торжкомъ, откуда приближался уже, Селигерскимъ путемъ, къ самому Новгороду, опустошая все по дорогѣ и «людей съкуще аки траву»²¹⁾. Въ Новгородѣ—гдѣ, по сказанію лѣтописца, «койже (каждый) бѣ въ недоумѣніи и страхѣ»²²⁾—бодрствовалъ Александръ, ожидая помощи—развѣ свыше. Къ счастью его, Татары, храбрые только въ широкой степи да въ чистомъ полѣ, чувствовали себя не совсемъ ловко въ дремучихъ лѣсахъ новгородскихъ, а потому, не дойдя всего ста верстъ до Новгорода, отъ такъ называвшагося Креста Игнатова, повернули къ Козельску—событіе, которое, по понятіямъ того времени, объяснено лѣтописцемъ такъ: «Новгородъ же заступи милосердый Богъ, и святыи великій отецъ Кирилъ архіепископъ Александрійскій, и святыихъ правовѣрныхъ архіепископъ Новгородскихъ молитва, и благовѣрныхъ князей русскихихъ, и преподобныхъ черпорицеи и ерѣйскаго (ерейскаго) събора; и они безбожніи въспятишася у Игнача Креста, прогнани святымъ Кирилломъ»²³⁾. Во всякомъ

¹⁹⁾ Новгородская Четвертая Лѣтопись, с. 35.

²⁰⁾ Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. III, с. 168.

²¹⁾ Новгородская Первая Лѣтопись, с. 52.

²²⁾ Временникъ (Софійскій), ч. I, с. 246.

²³⁾ Новгородская первая лѣтопись, с. 52.

случаѣ, страшная гроза татарская пронеслась благополучно надъ головой Александра, уже вполнѣ развивавшагося юноши, внѣшнія и внутреннія достоинства котораго восхищенный лѣтописецъ изображаетъ такъ: «Взрасть его паче пятихъ человекъ, и гласъ его аки труба въ народѣ, и лице его аки лице Есифа (Иосифа Прекраснаго), иже бѣ поставилъ его Егупетскій (египетскій) царь втораго царя въ Егуптѣ: сила бѣ его часть отъ силы Самеона: даль бѣ ему Богъ премудрость Соломону, и храбрость аки царя Римскаго Еуенасяна (Веспасіана), иже бѣ плѣнилъ всю подыюдейскую землю»²⁴⁾. Въ слѣдующемъ 1239 г., молодой князь новгородскій, свободный пока отъ Татаръ и Нѣмцевъ, вступилъ въ бракъ, который и отпраздновалъ народными пирами въ двухъ городахъ, о чемъ въ лѣтописи сказано: «Оженися князь Александръ, сынъ Ярославль, въ Новгородѣ, поя въ Полоцьскѣ у Брячсладачеръ»²⁵⁾. «Свиначася въ Торопчи, ту кашю чини, а въ Новгородѣ другую»²⁶⁾. По этому поводу, одинъ изъ описателей жизни Александра замѣчаетъ, по нашему мнѣнію, излишнее, что «Александръ дѣлалъ двойные пиры не изъ любви къ пирамъ, а изъ желанія дѣлиться своею радостію съ народомъ; онъ хотѣлъ—носяннать этотъ авторъ,—чтобы народъ былъ его семьею, чтобы его домашняя жизнь имѣла тѣсную связь съ государственною жизнью»²⁷⁾. Такихъ, думаемъ мы, нелѣпныхъ результатовъ не могъ достигнуть пирами русскій князь удѣльнаго періода,—еслибы даже составители Житія: Александра не старались увѣрять насъ, что Александръ «отъ мирскихъ сѣмудрій отврати себе, душегубныхъ же и богоненавистныхъ игръ и бѣсовскихъ сонмъ до конца возгнушася»²⁸⁾.

Женившійся, князь Александръ, къ чести его, не удался бездѣйственной нѣтъ молодого супруга, но пригласилъ Новгородцевъ рубить «городци» по Шелонѣ²⁹⁾, чтобы, съ этой стороны, обезопасить свой край отъ покушеній Нѣмцевъ и Литвы. Александръ понималъ хорошо, что не устоять противъ этихъ покушеній, уже неоднократно разбиравшихся о русскія силы, значило бы покрывать себя безславіемъ и, кромѣ того, подвергнуть всю

²⁴⁾ Лаврент. Лѣтоп. с. 204.

²⁵⁾ Александръ, въ иночествѣ, быть можетъ, Вассу.—Введенный въ недоразумѣніе этимъ именемъ, извѣстнымъ надъ гробомъ жены Александровой, дочери князя полоцкаго, во владимирскомъ Княгининъ монастырѣ, Исторіографъ нашъ ошибается, считая Вассу второю женою Александра (Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 58 и прим. 110). Могъ и каменосѣвецъ, дѣлавшій надгробную надпись, спутать племя: *Василиссы*, жены Андрея, сына Александра, и *Вассы*, инокини, бывшей жены самого Александра.

²⁶⁾ Новгородская первая лѣтопись, с. 52.

²⁷⁾ Бѣляевъ: Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій, Временникъ Имп. Общ. Ист. и древн. Рос. 1849. № 4. Отд. I. с. 4—5.

²⁸⁾ «Житіе св. Александра», рукопись Сиб. Дух. Акад. № 273.

²⁹⁾ Новгород. первая лѣтоп. с. 52.

землю новгородскую господству тѣхъ самыхъ Нѣмцевъ, распоряженія которыхъ въ сѣвѣдней Ливоніи были близко извѣстны Новгороду. «Городци» по Шелонѣ не мѣшали и властолюбію Александра отца, Ярослава, который, насѣловавъ послѣ погибшаго св. Юрія II, брата своего «стога великокняжескаго, уже перебрался изъ Кіева въ разоренный Татарами Владиміръ-на-Клязьмѣ и отсюда не переставалъ оказывать верховное вліяніе на Новгородъ, гдѣ молодой сынъ его очутился почти между двухъ огней, завися, съ одной стороны, отъ непреклонной воли отца, а съ другой—отъ свободной воли Новгородцевъ, подчинявшихся неохотно притязаніямъ великаго князя владимірскаго и всей Руси³⁰⁾. Однако Александръ умѣлъ выходить изъ такого затрудненія легко, и руководимый своимъ благоразуміемъ, въ 20-ти лѣтнемъ юношѣ рѣшкимъ, налаживалъ дѣла такъ, чтобы, по русскою пословицѣ, «и волки были сыты и собаки цѣлы». Благоразуміе Александра, вмѣстѣ со всею представительною внѣшностію князя новгородскаго, возбуждало похвалы не только Русскихъ, но и чужеземцевъ, изъ которыхъ, напр., Андрей Вельвенъ, магистръ ливонскихъ рыцарей, въ 1240 г. посѣтившій Новгородъ для переговоровъ о мирѣ, до того восхитился личностію Александра, что, по возвращеніи домой, говорилъ своимъ Меченосцамъ: «Прошедъ страны и языки, не видахъ такового ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя»³¹⁾. Но такая молва объ Александрѣ не остановила намѣреній Биргера, знаменитаго ярла шведскаго, который, изъ видовъ на престолъ Эрика XI Эриксона Косноязычнаго, короля шведскаго, своего зятя, не имѣвшаго дѣтей, старался всячески заслужить доброе расположеніе Шведовъ, искалъ случая отличиться въ особенности какимъ нибудь великимъ подвигомъ, и пользуясь буллой папы Григорія IX, возвыщавшей, еще въ 1237 г., крестовый походъ противъ язычниковъ Тавастландцевъ (въ Финляндіи) и схизматиковъ Русскихъ, ревновалъ не только овладѣть всею новгородскою землею, но самого князя ей *взять руками*³²⁾. Съ этой цѣлью, Биргеръ собралъ нѣсколько тысячъ Шведовъ, Норвежцевъ, Финновъ, посадилъ ихъ на суда, вошелъ съ ними въ Неву, тогда еще пустынную и, ставъ въ устьяхъ Ижеры, послалъ сказать князю новгородскому: «аще можеша противитися, то се есмь уже здѣ и плѣню землю твою»³³⁾. Извѣщенный объ опасности, князь Александръ, по свидѣтельству лѣтописца, ещѣ ннчалъ напутствоваться молитвой въ церкви Св. Софіи, произнесъ тамъ слова Неамамонъвца: «суди, Господи, обидящимъ мя, възбрани борющимся со мною, прими оружье и щитъ, стани въ

³⁰⁾ Бѣляевъ: Вел. Кн. Александръ Невскій, с. 2.

³¹⁾ Новгород. четвертая лѣтоп., с. 35.

³²⁾ Караяннъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, прим. 24. — «Биргеръ ярл», статья въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1845. т. I. От. II, с. 3—6.

³³⁾ Новгород. Четвертая лѣтоп., с. 35.

помощь мнѣ», потомъ благословился у архіепископа Спиридона, и, сказавъ немногочисленной дружинѣ своей: «не въ силахъ Богъ, но въправдѣ!» немедленно выступилъ изъ Новгорода. «Жалостно же и слышати, добавляетъ лѣтописецъ, яко отецъ его, честный Ярослав великій, не бѣ вѣдалъ такого встанья на сына своего Александра, ни оному бысть послати когда вѣсть къ отцю, еже бо ратнии приближишася; тѣмже многи Новгородци не совокупилися бѣша, понеже ускори князь пойти»³⁴). 15 Юля 1240 г. Александръ прибылъ на берега Невы—и тутъ, если вѣрить сказанію лѣтописца (внесенному однако не во все списки), нѣкто Пелгусій, въ св. крещеніи Филиппъ, старѣйшина земли ижерской и начальникъ мѣстной морской стражи, встрѣтилъ князя донесеніемъ такого содержания: «Стоящую ему (доносителю) при краи моря, стрегущю обою пути, и пребысть всю ночь въ бдѣніи; яко же нача вѣсходити солнце, и услыша шюмъ страшенъ по морю, и видѣ насадъ единъ гребущъ, посреди насада стоящи Бориса и Глѣба³⁵) въ одежахъ червленыхъ, и бѣста руки держаще на рамѣхъ (плечахъ), гребци же сѣдѣа аки въ молнію³⁶) одѣны; и рече Борисъ: «брате Глѣбе! веди грести, да поможемъ ероднику своему Александру»³⁷). Того же 15 Юля, въ 6 часу дня, началась знаменитая битва Невская и продолжалась до ночи: противники жестоко сѣялись мечами, схватывались руками, не щадили другъ друга, самонадѣянный Биргеръ единоборствовалъ съ самимъ Александромъ, который, по выраженію лѣтописи, «Бергелю (Биргеру) възложи печать на лице острымъ копіемъ своимъ»³⁸). Изъ сподвижниковъ Александра отличались въ особенности шестеро. Первый, Гаврило Олексичъ, пахалъ на шнеку и видя, что Биргера поднимаютъ на нее подъ руки, по доскѣ, взвѣхалъ на ту же доску и, сброшенный съ конемъ въ море, опять взобрался на шнеку, вступилъ тутъ въ бой съ самимъ воеводой и бился такъ крѣпко, что убилъ и воеводу (Спиридона)³⁹) и епископа. Другой, Сбыславъ Ягуновичъ, Новгородецъ, много разъ вѣзжалъ въ самыя густы толпы враговъ, съ однимъ только топоромъ, и такъ безстрашно разсѣкалъ ихъ, что все дивились его силѣ и храбрости. Третій, Яковъ Полочанинъ, ловчій князя, одинъ, съ своимъ мечемъ, ударилъ на цѣлый полкъ непріятелей, и такъ мужественно и крѣпко поражалъ ихъ, что самъ князь похвалилъ его. Четвертый, Новгородецъ, именемъ Миша, собравъ дружину соратниковъ, пѣшій, бросился въ море и погубилъ три судна непріятельскія. Пятый, нѣкто Сава, одинъ изъ младшихъ воиновъ, пахалъ на боль-

шой златоверхій шатеръ Биргеровъ и, подѣвши столпъ, уронилъ его, чѣмъ возвѣстилъ полкамъ Александровымъ побѣду. Шестой, Ратмиръ, слуга Александровъ, воинъ мужественный, бился пѣшій и погибъ отъ ранъ, врубившись въ толпу Шведовъ. «Си же вся—удостовѣрять лѣтописецъ—слышахъ отъ господина своего великаго князя Александра и отъ пѣхъ, иже въ то время обрѣтошася въ той сѣчи»⁴⁰). Къ ночи участь битвы была рѣшена: Биргеръ, съ остатками разбитыхъ полковъ своихъ, бѣжалъ, едва успѣвъ нагрузить два судна трупами и побросать остальные въ огромную яму, вырытую на берегу Невы. «Бысть же тогда чудо, заключаютъ рассказъ свой лѣтописцы: егда побѣди Александръ корабли, а обонполъ (на томъ берегу) рѣки Ижеры, идѣже не бѣ проходно полку Александрову, гдѣ обрѣтошася множество мертвыхъ, избіеныхъ отъ ангель Божіихъ»⁴¹). Весело встрѣтили Новгородцы своего князя, возвратившагося съ Невы невредимымъ,—и вся Русская земля, только что оплакавшая разореніе Батыемъ «матери градовъ русскихъ», Кіева, громко радовалась славной побѣдѣ Александра, за которую она нарекла его единодушно *Невскимъ*, самый же фавтъ подвига на Невѣ, вовсе не думая различать въ сказаніяхъ о немъ дѣйствительное отъ чудеснаго, занесла благодарно въ свои сердца и скривали.

Совѣмъ тѣмъ, герой Невскій, едва успѣвъ возвратиться въ Новгородъ, испыталъ непріятности, очевидность которыхъ явствуетъ изъ слѣдующаго сказанія лѣтописцевъ: «той же зимы (1240), выиде князь Александръ изъ Новгорода къ отцю въ Переяславль, съ матерью и съ женою и со всемъ дворомъ своимъ, «распрѣвѣся съ Новгородци»⁴²). О причинахъ этой распри—лѣтописи молчатъ. Но составители «Житія» Александрова, сказавъ, что Новгородцы «распрѣніе нѣкое показаша», продолжаютъ—по обычаю своему, голословно: «возронташа на св. великаго князя Александра Невскаго, крамоляще, молву составляюще не малу въ людехъ»⁴³); а одинъ изъ жизнеописателей Александра даже поясняетъ, что Александръ «тогда хотѣлъ, для лучшаго устройства или и для нуждъ общественныхъ, излишніи жителей пожни (сѣнные покосы) обратить на государя; но изъ того въ народѣ, сегодня (sic) его обожавшемъ, на утріе начался ропотъ и негодованіе⁴⁴). Какъ бы то ни было, герой Невскій, оставивъ Новгородъ послѣ 10-ти лѣтняго въ немъ пребыванія⁴⁵), не сидѣлъ

⁴⁰) Лаврент. Лѣтоп. с. 206.

⁴¹) Новгород. Четвертая Лѣтоп. с. 36.

⁴²) Новгород. Первая Лѣтоп. с. 53.

⁴³) «Житіе св. Александра», рукоп. Спб. Дух. Акад. № 273.

⁴⁴) Туманскій: Созерцаніе славныя жизни святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго. Изд. 1789. с. 13.

⁴⁵) Замѣчательно, что до Александра, въ продолженіе почти ста лѣтъ, ни одинъ князь не выживалъ въ Новгородѣ больше 5-ти лѣтъ въ ряду.

³⁴) Лаврент. Лѣтоп., с. 205.

³⁵) До этого въ лѣтописи сказано, что Пелгусій «и мѣя вѣру велику къ святымъ Борису и Глѣбу».

³⁶) Въ другой лѣтописи, Лаврентьевской, сказано: «аки яглюю».

³⁷) Новгород. Четвертая Лѣтоп. с. 35.

³⁸) Тамъ же.

³⁹) Новгород. Первая Лѣтоп. с. 53.

на родинѣ празднo, но занялся построениемъ въ Суздаль монастыря Александровскаго, первая церковь котораго, деревянная, была посвящена имъ своему Ангелу, св. мученику Александру Перескскому⁴⁶⁾. Между тѣмъ, Нѣмцы, уже обладатели Изборска, разбившіе Псковичей, свѣдавъ объ отъѣздѣ изъ Новгорода побѣдителя на Невѣ, заняли Водьскую пятину, срубили городокъ въ конорскомъ погостѣ, взяли Тесовъ⁴⁷⁾, разсыпались по р. Лугѣ до погоста Сабѣльскаго и грабили гостей новгородскихъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода. Видя, что дѣло плохо, Новгородцы, не умѣвшіе отбиваться одни, просили себѣ князя у Ярослава II и получили сына его, Андрея Ярославича. Но землѣ новгородской нуженъ былъ не Андрей. Тогда же—повѣствуетъ лѣтописецъ—сдумавше Новгородци, послаша владыку (архіепископа Спиридона) съ мужи опять по Александру; а на волость новгородскую наидоша Литва, Нѣмци, Чудь, и поймаша по Лугѣ великія кони и скотъ, и нельзя быше орати (пахать) по селамъ и нечямъ». Ярославъ отпустилъ Александра, который прибылъ въ Новгородъ съ наступлениемъ 1241 г.— «и ради быша Новгородци» добавляетъ лѣтописецъ⁴⁸⁾. Собравъ подъ свои знамена, кромѣ новгородскихъ полковъ, еще Ладожанъ, Корелянъ и Ижерцевъ, Александръ пошелъ прямо на Нѣмцевъ, взявъ Конорье, перевѣшалъ возмущившихся и пзмѣнившихъ Чудиновъ и Вожанъ, ч, съ большимъ нѣмецкимъ полкомъ, возвратился въ Новгородъ, гдѣ, по сказанію одной лѣтописи, также повѣсилъ бунтовщиковъ⁴⁹⁾, — въ чемъ, однако можно усомниться, если вѣрить другому лѣтописцу, что герой Невскій «бѣ милостивъ намѣ мѣры⁵⁰⁾. Въ 1242 г., Александръ, какъ видно изъ двухъ лѣтописей⁵¹⁾, съзидилъ, по приказанію отца, въ волжское становище Татари, на поклонъ къ Батыю, а возвратившись оттуда, выпросилъ у отца его суздальскіе полки и съ ними сѣвши въ Новгородъ, давшій знать, что Псковъ уже занятъ Нѣмцами и въ немъ сидятъ нѣмецкіе тиуны. Быстро овладѣвъ Псковомъ, при храброй защитѣ котораго 70 ливонскихъ рыцарей сложили головы, Александръ отправилъ нѣмецкихъ тиуновъ, закованными, въ Новгородъ, а самъ пошелъ впередъ, на встрѣчу Нѣмцамъ, уже двигавшимся выручать своихъ. Передовой отрядъ Александра, при защитѣ одного моста, былъ разбитъ, и Нѣмцы, ободренные этимъ успѣхомъ, начали

напирать сильнѣе и тѣнили головные полки Русскихъ. Александръ подался назадъ, къ Чудскому озеру; но, видя, что Нѣмцы продолжаютъ наступленіе всѣми силами, рѣшился принять сраженіе, остановилъ свои полки и устроилъ ихъ на самомъ льду озера, около урочищъ Узменя и Воронья камня. Тутъ, 5 Апрѣля 1242 г., произошелъ знаменитый бой, слышущій въ нашихъ лѣтописяхъ *Ледовымъ*. Онъ начался, при восходѣ солнца, натискомъ Нѣмцовъ и Чуди, которые, построившись въ боевой порядокъ, называвшійся *свиньей*, врѣзались въ полки Александровы и прошли ихъ насквозь. Но способъ дѣйствія свиньей, выгодный и рѣшительный противъ войскъ малодушныхъ и нестойкихъ, въ настоящемъ случаѣ, не имѣлъ никакого успѣха и только успиалъ жестокость съ обѣихъ сторонъ. Гордые рыцари, закованные въ крѣпкія брони, хотя и прошли сквозь густые полки Александровы, но далеко не всѣ, потому что мечи и топоры русскіе уложили многихъ на этомъ кровавомъ пути. Остальные же, съ ужасомъ видя передъ собою, вмѣсто ожидаемаго расстройства, живую стѣну замкнутыхъ рядовъ, сверкающихъ оружіемъ, на которомъ дымилась еще нѣмецкая кровь,—упали духомъ. Тогда герой Невскій началъ свое дѣло: быстро ринулся, онъ, съ запасными полками, на оторопѣлыхъ бойцовъ смялъ ихъ, съѣкъ и гналъ по льду, который алѣлъ кровью: 500 рыцарей пали въ бою, 50 взяты въ плѣнъ. чудскими же трунами покрылось пространство на 7 верстѣ, вплоть до Суболлчскаго берега. По свидѣтельству очевидцевъ, озеро колыхалось подъ сражающимися и стонало отъ треска ломающихся коней и звяка съблущихся мечей. Уже позднимъ вечеромъ кончился этотъ ледовой бой, который, привелъ въ ужасъ всю Ливонію, освѣнилъ побѣдителя новой славой. Съ этого времени, замѣчаютъ наши лѣтописцы, «имя великаго князя Александра нача слыти по всѣмъ странамъ отъ моря Варяжскаго (Балтійскаго) и до моря Понтскаго (Чернаго) и до моря Хупожскаго⁵²⁾ и до страны Тиверійскія, и до горъ Араарьскихъ, обону страну моря Варяжскаго и до Великаго Риму»⁵³⁾. Ближайшимъ же слѣдствіемъ ледовой побѣды Александра была покорность побѣжденныхъ: «того же лѣта (1242) прислана Нѣмци съ челобитіемъ; «что семя зашла мечель, того ся отступаемъ»⁵⁴⁾. Но посольство это уже не застало побѣдителя въ Новгородѣ, потому что Александръ, угомонивъ Нѣмцевъ, началъ немедленно и произвелъ, въ томъ же 1242 г., рядъ набѣговъ на Литву, подробности которыхъ намъ неизвѣстны, за исключеніемъ слѣдующей замѣтки въ лѣтописной *«Повѣсти о житіи и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра:*

⁴⁶⁾ Амяросій, еписк. пензен.: *Исторія Русскаго Іерархіи*. Изд. 1807—1815. ч. VI, с. 941—942.

⁴⁷⁾ По Карамзину—городокъ на границѣ Эстоніи (*Ист. Гос. Рос.* т. IV, с. 19). — По Архипашеву—село въ нынѣшней новгородскомъ уѣздѣ (*Повѣствованіе о Россіи*. Изд. 1838. т. I, прим. 2180).

⁴⁸⁾ Новгород. Первая Лѣтоп., с. 53.

⁴⁹⁾ Карамзинъ: *Ист. Гос. Рос.* т. IV, прим. 30.

⁵⁰⁾ Псковская Вторая Лѣтопись. Полин. Собр. Рус. Лѣтоп. Изд. 1851, т. V, с. 4.

⁵¹⁾ Новгород. Четвертая Лѣтопись, с. 37—Псковская Первая Лѣтоп., с. 179.

⁵²⁾ Въ другихъ спискахъ *Хонужскаго*. Это быть можетъ, *Хвалынское море*, нынѣ Каспійское.

⁵³⁾ Псковская Вторая Лѣтопись, с. 4.

⁵⁴⁾ Новгород. Четвертая Лѣтопись, с. 37.

«Въ то же время ⁵⁵⁾ умножися языка Литовскаго, и начаша пакостити волости Александровѣ; онъ же выѣзди и избиваше я. Единою ключися ему выѣхати, и побѣди 7 ратей единымъ выѣздомъ, и множество князей ихъ избѣ, а овѣхъ рукама изыма, слугы же его, ругающесе, вязахуть ихъ къ хвостомъ копей своихъ; и начаша оттолѣ блюстися имени его» ⁵⁶⁾.

Оградивъ славными побѣдами спокойствіе земли новгородской, Александръ отдыхалъ въ Новгородѣ весь 1243 г. и тутъ похоронилъ, въ Юрьевѣ монастырѣ, мать свою, княгиню Ростиславу-Феодосію, умершую въ иночествѣ, съ именемъ Евфросиніи, 5 Мая 1244 г. ⁵⁷⁾. Новъ слѣдующемъ 1245 г., дерзость Литвы, явившейся грабить окрестности Бѣжецка и Торжка, а потомъ засѣвшей, съ полономъ добычей, въ Торопицѣ, вызвала героя Невскаго снова на битвы. Прибывъ, съ дружиной и полками новгородскими, къ Торопцу, Александръ, въ тотъ же день, взялъ городъ, отнялъ у Литвы весь полонъ и посѣкъ однихъ князей литовскихъ 8. Успѣхъ этотъ настолько удовлетворилъ Новгородцевъ, что они, вопреки настояніямъ Александра, пошли отъ Торопца домой. Но герой Невскій, пользуясь, какъ военачальникъ опытный, удобствомъ момента, съ одной своей дружиной ударилъ въ погоню за Литвой, настигъ и добилъ её у озера Жизца ⁵⁸⁾. проѣхалъ въ Витебскъ за сыномъ своимъ ⁵⁹⁾ (вѣроятно, гостившимъ у дѣда) и, на обратномъ пути къ Новгороду, встрѣтилъ нечаянно, подъ Усвятомъ ⁶⁰⁾, другую рать литовскую, которую онъ разбилъ тутъ же, какъ и первую, на голову ⁶¹⁾. Встрѣченный упрямыми Новгородцами съ честію, Александръ оставался у нихъ до осени 1246 г., когда вѣсть о «нужной» смерти вел. кн. Ярослава II, послѣдовавшей 30 Сентября, на обратномъ пути изъ орды, — потребовала присутствія Александра въ землѣ суздальской. Похоронивъ отца во Владимирѣ, Александръ принялъ отъ новаго великаго князя Святослава III Всеволодовича, дяди своего, удѣлъ переславль-залѣсскій и возвратился въ Новгородъ, между тѣмъ какъ Андрей, братъ Александровъ, отправился въ Орду интриговать противъ дяди. На этотъ разъ однако, пребываніе Александра въ Новгородѣ не было продолжительнымъ: въ 1247 г. онъ получилъ приказаніе Батия явиться въ Орду, о чемъ лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: «Нѣкто царь

со восточныя страны силенъ и присла послы своя къ великому князю Александру, а ручи тако: «миѣ покоришь Богъ многи языки, ты ли единъ не хоцещи покоритися державѣ моеи? но аще хоцещи соблюсти нынѣ землю свою, приди ко миѣ, узриши честь и славу царства моего». Герой Невскій благоразумно повиновался, поѣхалъ во Владимиръ, принялъ тамъ благословеніе митрополита Кирилла и отправился далѣе. «Пропде же вѣсть—продолжаеть лѣтописецъ—и до уетія Волги, и начаша жены Моавитскія полошати (стращать) дѣти своя, а ручи: «молчи, великій князь Александръ ѣдетъ»... И приде (Александръ) ко царю; видѣ же его царь Батый, и подивися, и рече вельможамъ своимъ: «воистинну повѣдоша, яко нѣсть подобна сему князю»; и почти его царь многими дары» ⁶²⁾. Чтобы дать понятіе о домашней обстановкѣ царя, которому ѣхалъ кланяться Александръ, — вотъ выдержка изъ путевыхъ записокъ Іоанна Платона Карпинна, римскаго монаха и посла папскаго, посѣщавшаго волжскую орду ровно за годъ до поѣздки туда Александра: «Самъ Батый живеть на берегу Волги, имѣи пышный, великолѣпный дворъ, и 600.000 воиновъ, 160,000 Татаръ и 450,000 иноплеменниковъ, христіанъ и другихъ подданныхъ... Провели насъ въ ставку его между двумя огнями, для того, какъ говорили Татары, что огонь есть чистилище для всякихъ злыхъ умысловъ, отнимая даже силу у скрываемаго яда. Мы должны были нѣсколько разъ кланяться и вступити въ шатеръ, не касаясь порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и вельможи на снамьяхъ; другіе на землѣ, мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ тонкаго полотна, принадлежалъ королю венгерскому ⁶³⁾: никто не смѣетъ входить туда безъ особеннаго дозволенія, кромѣ семейства ханскаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторонѣ, и Батый съ великимъ вниманіемъ читалъ письма... переведенныя на... татарскій. Между тѣмъ, онъ и вельможи его пили изъ золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ, при чемъ всегда гремѣла музыка съ пѣнями» ⁶⁴⁾. Но лѣтописецъ нашъ, сказавъ, въ повѣствованіи о Батыевомъ приемѣ Александра: «и почти его царь многими дары», заключаетъ, вѣроятно, для сокращенія: «и отъпусти съ великою честію на Русь» ⁶⁵⁾. Отпустилъ этотъ могъ прозойти только по возвращеніи изъ Великой Татаріи, съ береговъ Амура, отъ Великаго Хана, къ которому, а не въ Русь, отправлялъ Батый почти всѣхъ русскихъ князей, пріѣзжавшихъ къ нему, на Волгу. Туда же предложилъ

⁵⁵⁾ Мѣсто это слѣдуетъ непосредственно за разказомъ о ледовомъ побоищѣ.

⁵⁶⁾ Невск. Вторая Лѣтоп. с. 4.

⁵⁷⁾ Новгород. Первая Лѣтоп. с. 54.

⁵⁸⁾ По лѣтописи: *Жизиче*. Озеро это въ торопецкомъ уѣздѣ нековской губерніи.

⁵⁹⁾ Въ это время у Александра былъ только одинъ сынъ, Василій († 1271). — А дѣдъ Василія по матери былъ Брячиславъ, князь полоцкій и витебскій.

⁶⁰⁾ Мѣстечко, при озерѣ Усвятъ, въ суражскомъ уѣздѣ витебской губерніи.

⁶¹⁾ Новгород. Первая Лѣтоп. с. 54.

⁶²⁾ Софійская Первая Лѣтопис. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. Изд. 1851. т. V, с. 186.

⁶³⁾ Именно Бель IV, владѣнія котораго опустошены Батыемъ послѣ разоренія Кіева, въ 1240 г.

⁶⁴⁾ Карамзинъ: Ист. Рос. Рос. т. IV, с. 28.

⁶⁵⁾ Софійск. Первая Лѣтопис. с. 186.

онъ ѣхать и монаху Плато-Барпини, послалъ и Александра, съ его братомъ Андреемъ. «Сн путешествія—пишетъ Исторіографъ нашъ—были ужасны: надлежало проснуться съ отечествомъ на долгое время, терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или на землѣ, раскаленной лучами солнца; вездѣ голая печальная степь, лишняя уборнствъ и тѣни лѣсовъ, усѣянная костями несчастныхъ странниковъ; вмѣсто городовъ и селеній представлялись взору одни кладбища народовъ кочующихъ. Можетъ быть, въ самой глубокой древности, ходили тамъ караваны купеческіе; Скныи и Греки сражались съ опасностію, нуждою и скукою, по крайней мѣрѣ, въ надеждѣ обогатиться золотомъ. Но что ожидало князей Россійскихъ въ Татаріи? Уничженіе и горестъ»⁶⁶⁾. Именно въ 1248 г., когда ѣздили въ Великую Татарію князья Андрей и Александръ Ярославичи, Великимъ Ханомъ былъ Гаюка, сынъ Октаевъ, личность и обстановку котораго тотъ же Плато-Барпини описываетъ такъ: «Гаюка имѣетъ отъ роду (въ 1246 г.) 40 или 45 лѣтъ, росту средняго, отъменно умекъ, догадливъ и столь важенъ, что никогда не смѣется. Христіане, служащіе ему, увѣряли насъ, что онъ думаетъ принять въру Спасителю, ибо держитъ у себя христіанскихъ священниковъ и дозволяетъ имъ всенародно, передъ своимъ шатромъ, отправлять божественную службу по обрядамъ греческой церкви. Сей императоръ говоритъ съ иностранцами только черезъ переводчиковъ, и всякой, кто подходитъ къ нему, долженъ стать на колѣна. У него есть гражданскіе чиновники и секретари, но нѣтъ стряпчихъ, ибо Моголы не терпятъ ябеды и слово Ханское рѣшить тяжбу. Что скажетъ государь, то и сдѣлано; никто не смѣетъ возражать или просить его дважды объ одномъ дѣлѣ. Гаюкъ, пылая славолубіемъ, готовъ цѣлый міръ обратить въ пепелъ. Смерть Октаева удержала Моголовъ въ ихъ стремленіи сокрушить Европу... ибо Моголы, слѣдунъ завѣщанію Чингисханову, непременно хотять овладѣть вселенною. Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ насъ, какъ и другихъ пословъ. Секретарь его сказывалъ ему имя каждаго; однакожъ немногіе изъ нихъ были впущены въ ставку императорскую. Дары, поднесенные имъ Хану, состояли въ шелковыхъ тканяхъ, поясахъ, мѣхахъ, сѣдлахъ, также вельблюдахъ (sic) и лошакахъ, богато украшенныхъ. Между сими безчисленными дарами, мы замѣтили одинъ зонтикъ, весь осыпанный драгоценными камнями. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ шатровъ стояло болѣе пяти сотъ телѣгъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ, шелковыми одеждами, что все было отдано Хану, князьямъ и вельможамъ, которые послѣ дарили тѣмъ своихъ чиновниковъ. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего не имѣли.... Откланявшись Гаюку и матери его⁶⁷⁾, кото-

рая дала намъ по шубѣ лисей и по красному кафтану, мы отправились въ обратный путь⁶⁸⁾. То же самое сдѣлали, въ свое время, и братья-князья Ярославичи, поѣздка которыхъ въ Великую Татарію и обратно, означенная пожалованіемъ отъ Великаго Хана Александру права на всю южную Русь съ Кіевомъ, продолжалась около двухъ лѣтъ, при чемъ посѣщеніе Александромъ Батыя, въ этотъ разъ, вопреки мнѣнію Исторіографа⁶⁹⁾, было уже *второе*, а не *первое*, на что указываетъ ясно и одинъ изъ лѣтописцевъ, говоря подъ 1246 г.⁷⁰⁾ «Ѣздн Александръ *другое* (въ другой разъ) къ Батыю»⁷¹⁾.

Возвратившись въ отечество, Александръ оставался нѣкоторое время на своей родинѣ, въ землѣ суздальской, гдѣ, подъ однимъ и тѣмъ же 1249 г., встрѣчаемъ его въ двухъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ: «Тое же зимы Володимеръ князь Константиновичъ⁷²⁾ преставися въ Володимери... Плакася надъ нимъ Олександръ князь и съ братьемъ много, и проводи и честно изъ золотыхъ воротъ, и везоша и въ Угличе поле.... Тое же зимы Василій князь Константиновичъ⁷³⁾ преставися въ Володимери... И повезоша и на Ярославль, и Олександръ князь проводи и»⁷⁴⁾. Проѣзжалъ ли Александръ изъ земли суздальской, какъ полагаютъ нѣкоторые⁷⁵⁾, взглянуть на новопожалованную ему южную Русь и Кіевъ, управляемый тогда чиновниками Батыевыми⁷⁶⁾, онъ только въ 1250 г. прибылъ въ Новгородъ, гдѣ ждали его давно съ большимъ нетерпѣніемъ: «Приѣха князь Олександръ изъ Орды — отмѣчаетъ лѣтописецъ подъ 1250 г. — и бысть радость велика въ Новгородѣ»⁷⁷⁾. Должно быть, къ этому же времени и мѣсту относится лѣтописно-извѣстное появленіе на Руси римскихъ кардиналовъ Гальда и Гемонта, имѣвшихъ порученіе сказать, отъ имени Папы Иннокентія IV, князю Александру: «Тако молвить Папа нашъ: слышахомъ тя, княже, честна и дивна, и велика земля твоя; сего ради прислахомъ ти отъ двою надесятъ кардиналу два хытрѣйша, да послушаеша ученія нашего». На что герой Невскій доблестно отвѣтствовалъ: Слышите, посланницы панежстип и прелестницы преокаяннии! Отъ Адама и до потопа, и отъ потопа до раздѣленія языкъ, и отъ раздѣ-

⁶⁸⁾ Карамзинъ: Ист. Гос. Росс. т. IV, с. 30—32.

⁶⁹⁾ Тамъ же, примѣч. 34.

⁷⁰⁾ Тогдашній годъ начинался съ *марта*, такъ что январскія и февральскія событія каждаго года должно относить къ году предыдущему.

⁷¹⁾ Новгород. Четвертая лѣтопись, с. 37.

⁷²⁾ Сынъ вел. кн. Константина Всеволодовича, двоюродный братъ Александра Невского.

⁷³⁾ См. предыдущее примѣчаніе. Также.

⁷⁴⁾ Лаврент. Лѣтоп., с. 202.

⁷⁵⁾ Бѣляевъ: Вел. кн. Алекс. Яросл. Невскій, с. 16.

⁷⁶⁾ Карамзинъ: Ист. Гос. Росс. т. IV, с. 43.

⁷⁷⁾ Новгород. Первая лѣтоп., с. 54.

⁶⁶⁾ Карамзинъ: Ист. Гос. Росс. т. IV, с. 42.

⁶⁷⁾ Пня этой ханши—Туркань.

ленія языкъ до начала Авраамля, а отъ Авраама до прони́я сквозѣ Черное море, а отъ начала царства Соломона до Августа царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресенія Его, а отъ воскресенія Его и на небеса вшествія и до царствія Великаго Константина и до перваго Собора и до седмаго Собора—сія вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не принимаемъ». «Онѣ же—досказываетъ лѣтописецъ—възвратишася въ свояси»⁷⁸⁾. II, конечно, не безъ связи съ этимъ наше- ствіемъ кардиналовъ былъ пріѣздъ къ Александру въ Новгородъ, въ слѣдующемъ же 1251 г., двухъ Кирилловъ, митрополита владимірскаго и епископа ростовскаго, по отбытіи которыхъ—или и въ присутствіи ихъ—«бысть болѣзнь тяжка князю Александру, но Богъ помилова и»⁷⁹⁾. По минованіи опасности, Александръ отправилъ пословъ къ Гагону, королю норвежскому, съ требованіемъ запрещенія Финляндцамъ грабить Доль и Корелію, области новгородскія, и съ заявленіемъ желанія женить сына своего, Василя на Христинѣ, дочери Гаконовой. Король норвежскій отвѣчалъ Александру своимъ посольствомъ, которое, заключивъ миръ въ Новгородѣ, объявило согласіе Гагона на бракъ королевны. Но Александръ долженъ былъ уже спѣшить въ Орду, по дѣламъ владимірскимъ.

Тамъ, во Владимірѣ, столь великокняжескій занималъ Андрей, братъ Александровъ, севдившій интригами дядю своего Святослава III, который за то, пресмыкаясь въ Ордѣ, строилъ козни племяннику. Козни эти, вѣроятно, удалсь, потому что Сартакъ, сынъ Батыевъ, правившій Ордой за своего устарѣвшаго отца, лѣтомъ 1252 г. послалъ въ землю суздальскую сильную рать Татаръ, подъ начальствомъ трехъ воеводъ: Неврюя, Олабуги, слывшаго Храбырмъ, и Котья. Тогда-то, свѣдавъ о выступленіи этихъ воеводъ изъ Орды, герой Невскій поспѣшилъ въ Орду и, пока Татары, обрадованные случаемъ пограбить, пустошили землю суздальскую, молилъ Сартака измѣнить гѣвъ на милость. Заступничество героя Невскаго достигло цѣли: Сартакъ не только внялъ Александру, но отпустилъ его «съ честью великою, давше ему старѣйшинство во всей братыи его»⁸⁰⁾, то есть—ярлыкъ на великокняженіе владимірское, гдѣ, кстати сказать, не было уже Андрея, который, чуя грозу татарскую, «сдума съ своими бояры бѣгати, нежели царемъ служить, и побѣжа на невѣдому землю, со княгынею своею и бояры своими»⁸¹⁾. Прямо изъ орды, Александръ пріѣхалъ во Владиміръ, и, встрѣченный съ любовью у воротъ столицы митрополитомъ Кирилломъ, духовенствомъ, тысяцкимъ Романомъ Милайловичемъ,

боярами и гражданами, занялъ торжественно столъ великокняжескій. Столъ этотъ, со времени Андрея Боголюбскаго († 1174 г.)⁸²⁾, не видалъ на себѣ такого великаго князя, дѣйствительно, *всей Руси*, какииъ былъ теперь Александръ-Невскій, облеченный, въ силу ханскаго пожалованія, правами на южную Русь съ Киевомъ и имѣвший за себя въ Новгородѣ своего сына, Василя, тогда же объявленнаго княземъ новгородскимъ. Вся разница между великими князьями Боголюбскимъ и Невскимъ, сопричтенными православною церковью одинаково къ лику святыхъ, состоитъ въ томъ, что Боголюбскій, исполненный властолюбія, бралъ и Киевъ и Новгородъ приступомъ, не жалѣя русской крови для своихъ личныхъ цѣлей: Невскій же «страдалецъ» за русскую землю, предоставляя князьямъ Галича южнаго титуловаться спокойно и кievскими, спасалъ Новгородъ не однажды и жертвовалъ русской кровью только на защиту родной земли.

Въ званіи великокняжескомъ, первоначальная дѣятельность Александра Невскаго, оставшагося на житіе въ стольномъ Владимірѣ, была посвящена родному его Переславию, который, послѣ приступа къ нему татарскихъ полчищъ Неврюя съ товарищи, лежалъ въ развалинахъ и, разумѣется, требовалъ сострадательнаго участія. «По плѣненіи же Неврюевъ, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, великій князь Александръ церкви воздвигнувъ и градъ людей исполнивъ, разбѣгшаея люди собра въ дома своя»⁸³⁾. Тогда же, надо думать, особенно широко пролагалась къ дѣлу еще одна черта души Александра, выражавшаяся тѣмъ, что герой Невскій, по объясненію лѣтописца, «не остави пути отца своего (Ярослава II), посылая ко царю въ орду за люди своя, иже плѣнени быша отъ безбожныхъ Татаръ, и много злата и сребра издавая на плѣнникѣхъ, и скупая отъ безбожныхъ Татаръ, избавляя ихъ отъ бѣды и напастей»⁸⁴⁾. На столько милостивый къ подданнымъ, Александръ, естественно долженъ былъ относиться еще теплѣе къ родичамъ—и доказалъ это, пріютивъ мирно въ Суздаль брата своего, бездомовнаго Андрея, выбѣжавшаго отъ Шведовъ въ томъ же 1253 г., когда Василий, сынъ Александра, жестокииъ пораженіемъ, у Торопца, наказалъ Литовцевъ за грабежъ окраинъ земли новгородской, а опустошеніемъ Наровы отмстилъ вѣроломнымъ Нѣмцамъ за ихъ покушеніе на Псковъ. Благодаря всему этому, наступившій 1254 г. прошелъ до конца такъ безмятежно и благополучно, что лѣтописецъ сдѣлалъ о немъ только одну, но весьма выразительную отмѣтку: «Добро быше хрестьянамъ»⁸⁵⁾. Да и событія 1255 г., повидимому, нарушившія общее спокойствіе

⁷⁸⁾ Софійск. Первая Лѣтоп., с. 187.—Времяникъ (Софійскій) ч. I, с. 268.—Каразинъ: Ист. Рос. Рос. т. IV, с. 43 и прим. 85.

⁷⁹⁾ Лаврент. Лѣтоп. с. 202.

⁸⁰⁾ Тамъ же.

⁸¹⁾ Тамъ же.

⁸²⁾ См. выше статью нашу объ этомъ князѣ.

⁸³⁾ Софійск. Первая Лѣтоп. с. 187.

⁸⁴⁾ Тамъ же, с. 186.

⁸⁵⁾ Новгород. Первая Лѣтоп. с. 55.

Руси, представляют только въ истинномъ свѣтѣ личность Невскаго и значеніе, какимъ она тогда пользовалась. Въ этомъ 1255 г., вольнолюбивые Новгородцы, преслѣдуя всячески свою любимую мечту: выдѣлиться изъ федерации, уже замѣтно сплочивавшей всю сѣверную Русь въ одно крѣпкое цѣлое, прогнали Василия, сына Александра, который и ушелъ въ Торжокъ, а къ себѣ пригласили Ярослава, меньшаго брата Александра, оставившаго почему-то свою Тверь. «Но Александръ — говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ — поднялъ на нихъ рать не какъ старѣйшій князь за обиду подручника-князя, какъ бывало дѣлами прежде суздальскіе князья, а какъ лицо, сознававшее собственно за собою достоинство Новгородскаго правителя»⁸⁶⁾. Пройдя Торжокъ, гдѣ еще держался Василий, Александръ подступилъ къ Новгороду, гдѣ уже не было Ярослава, и послалъ на вѣче сказать: «выдайте ми Онанью посадника: или не выдадите, язъ вамъ не князь, иду на городъ ратью». Вѣче, устами своихъ пословъ, владыки Далмата и тысяческаго Клина, отвѣтствовало Александру: «поѣди, княже, на свои столъ, а злодѣевъ не слушаи, а Онанья гнѣва отдаи и веъмъ мужемъ Новгородскимъ». Однако герой Невскій «гнѣва не отдавалъ», чѣмъ самымъ заставилъ Новгородцевъ, по крайней мѣрѣ, благоразумѣйшихъ, одуматься и говорить вѣчу: аже, братья, князь нашъ тако судумалъ съ нашими крестопреступники, оно имъ богъ и святая Софья, а князь безъ урѣха». Три дня полки суздальскіе и новгородскіе стояли другъ противъ друга, на готовѣ къ бою; но въ четвертый день, Александръ уступилъ великодушно первый, пославъ — вѣдето прежняго требованія *выдачи* посадника — сказать Новгородцамъ: «аже Онанья лишится посадничества, язъ вамъ гнѣва отдамъ». «И лишися посадничества Онанья, досказываетъ сочувственно лѣтописецъ, и взяша миръ на всей воли новгородской, и поиде князь въ городъ, и срѣте и архіепископъ Далматъ со веъмъ іерейскимъ чиномъ, съ кресты... и вся радости исполнишася, а злодѣи омрачишася; зане хрестьяномъ радость, а дьяволу пагуба, яко не бысть хрестьяномъ кровопролитія велика, и сѣде князь Александръ на своемъ столѣ»⁸⁷⁾. Такимъ образомъ, человеколюбіе или, какъ называютъ теперь, гуманность — является преимущественно душою тѣхъ, по нынѣшнему, административныхъ мѣрѣ, которыми Александръ Невскій, слишкомъ шесть вѣковъ назадъ, обезоруживалъ недовольныхъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, достигалъ государственныхъ цѣлей. Если же онъ, какъ увидимъ ниже, отступалъ изрѣдка отъ правилъ человечности, то — что сказать о тѣхъ властителяхъ русскихъ, которые къ такимъ правиламъ и не приступали?...

⁸⁶⁾ Костомаровъ: Сѣвернорусскія народоправства, т. I, с. 105—106.

⁸⁷⁾ Новгород. Первая Лѣтоп., с. 55—56.

Утвердивъ князя Василия по прежнему въ Новгородѣ, Александръ Невскій съ спокойной совѣстью возвратился во Владиміръ и отправился немедленно, со всеми князьями, въ Городецъ и Нижній Новгородъ, какъ думаютъ, для переговоровъ съ татарскими чиновниками о порядкѣ ищисленія народа въ русской землѣ, ищисленія, предпринимавшагося тогда Татарами для болѣе правильной раскладки дани⁸⁸⁾, въ самую же орду были посланы дары вельможѣ Улавчю, завѣдывавшему дѣлами русскихъ княжествъ. Но политикъ благоразумный относительно Татаръ, герой Невскій не пересталъ еще быть грозой Нѣмцевъ, которые и испытали это не дальше, како въ 1256 г. Извѣщенный тогда Новгородцами о томъ, что сборная рать Шведовъ, Финновъ, Латышей и ливонскихъ рыцарей строятъ городокъ на р. Наровѣ, въ землѣ новгородской, Александръ, съ митрополитомъ владимірскимъ и полками великокняжескими, прибылъ въ Новгородъ, вооружилъ полки новгородскіе и, не сообщая никому цели похода, двинулся къ Копорью, тутъ отступилъ назадъ митрополита, а самъ, съ Владимірцами, да немногими оставшимися при немъ Новгородцами, и какими-то мѣстными «шестниками», пошелъ прямо въ Емь — нынѣшнюю Финляндію. «И бысть — замѣчаетъ лѣтописецъ — золь путь, аки же не видѣли ни дни, ни ночи». Подъ такими то непроглядными туманами, по страшнымъ сугробамъ болотныхъ ущелій, въ которыхъ «многимъ шестникомъ бысть пагуба, а Новгородцевъ Богъ соблюде», герой Невскій добрался таки въ Емь — въ ужасу Шведовъ, растерявшихся при одномъ появленіи *такого* врага въ этой, по ихъ убѣжденію, недоступной странѣ. Когда Емь была пройдена изъ конца въ конецъ и лишилась множества туземцевъ — «овыхъ избша, а другихъ изымаша», поясняетъ лѣтописецъ⁸⁹⁾, Александръ благополучно возвратился въ Новгородъ, безопасность котораго, со стороны примирѣвшихъ Шведовъ, была обезпечена этимъ славнымъ походомъ, какъ оказалось впоследствии, лѣтъ почти на сорокъ⁹⁰⁾. Но изъ Новгорода побѣдитель Емь спѣшилъ уже во Владиміръ, гдѣ, въ это время, шли дѣятельные переговоры съ ханскими чиновниками объ ищисленія народа для раскладки дани — вопросъ важный, рѣшеніе котораго не только опредѣляло такъ или иначе всѣ будущія отношенія Руси къ Татарамъ, но даже могло заключить къ себѣ или итѣть залогомъ ея освобожденія когда нибудь. Александръ понималъ это — и «страдалецъ» за землю русскую, онъ, увѣнчанный лаврами столькихъ побѣдъ, не остановился передъ тяготою новой поѣздки въ орду для того собственно, чтобъ, не жалѣя себя, но въ пользу другихъ,

⁸⁸⁾ Вѣднєвъ: Вел. кн. Алекс. Яросл. Невск. с. 23.

⁸⁹⁾ Новгород. Первая Лѣтоп., с. 56.

⁹⁰⁾ Послѣ Александра похода въ Финляндію, въ 1256 г., Шведы явились въ новгородскія владѣнія не прежде 1293 г., т. е. черъ въ 37 лѣтъ.

слова унижаться передъ ханствовавшимъ Татарничествомъ и ласкательствовать его продажнымъ слугамъ. Оцѣнивая или нѣтъ такое самопожертвованіе великаго князя, лѣтописецъ однако зналъ главную—и, вѣроятно, единственную—цѣль поѣздки Александра въ орду, и не только зналъ, даже интересовался этой цѣлью, иначе зачѣмъ бы ему было, послѣ отѣтки, подъ 1257 г. поѣхать князи въ Татары: Александръ, Андрей, Борисъ», прибавлять непосредственно: *«читивше Улавчя, прїѣхаша въ свою отчину»* ⁹¹⁾. Это лѣтописное «читивше Улавчя»—служить какъ объясненіе, почти официальное, системы Александровой политики въ отношеніи Татаръ. И должно думать, что съ этой пменно—а не другой—системой соображались тѣ первые, прїѣхавшіе вельѣды за Александромъ изъ орды, численники татарскіе, дѣйствія которыхъ на Руси, въ томъ же 1257 г., занесены въ лѣтопись такъ: «Тое же зимы прїѣхаша численници, псечтоша всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую, и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники, и идоша въ ворду (орду); толико не чтоша игуменовъ, чернцовъ, поповъ, крылошанъ, кто зреть на святую Богородицу и на Владыку (митрополита или епископа)» ⁹²⁾. Стало быть, освобожденіе отъ поголовной дани, по крайней мѣрѣ, лицъ духовныхъ—эта огромная услуга будущему Россіи—остается, по нашему мнѣнію, незабвеннымъ плодомъ личныхъ хлопотъ и трудовъ героя Невского. Довольный, вѣроятно, первымъ опытомъ ищепленія народнаго, и желая утвердить систему своихъ дѣйствій по этому вопросу въ наилучшей связи съ дѣйствіями татарскими, неутомимый Александръ отправился задобривать Улавчя еще разъ, въ 1258 г., о чемъ въ лѣтописи, подъ этимъ годомъ, сказано: «Того же лѣта поидоша князи въ Татары, Александръ, Андрей, Борисъ, Ярославъ Тѣрьскій; *читивше Улавчя и вся воеводы*, и отпушени быша въ свою отчину... Тое же зимы—продолжаетъ лѣтописная отѣтка 1258 г.—прїѣхаша численници въ Володимерь; и поидоша численници и князи къ Новугороду Великому, Александръ, Андрей, Борисъ: псечтоша, и поѣхаша опять въ Володимерь; *Александра же удержаша Новугородци*, и чтиша и много; *Александръ же дасть имъ рядъ*, и поѣха съ честью въ свою отчину» ⁹³⁾. Дѣло въ томъ, что Новгородцы, больше чѣмъ не мирившіеся съ мыслью о поголовной переписи, не только рѣшили не допускать еѣ у себя, но склонили на свою сторону сына Александра, Василия, юношу нылкаго и неопытнаго, который собирался неразумно умирать за св. Софію, однако, слышавъ о приближеніи къ Новгороду своего отца, хотя не сопровождаемаго никакимъ войскомъ,—бѣжалъ укрыться

въ Псковъ. Появленіе въ Новгородѣ самаго великаго князя съ послами татарскими не измѣнило образа мыслей большинства гражданъ: Новгородцы приняли съ честью Александра и пословъ, представили послѣднимъ даже дары для хана, но, отказавъ рѣшительно въ десятины, тамгѣ и другихъ постоянныхъ даянхъ татарскихъ, твердо стояли на своемъ, какъ ни убождалъ герой Невскій бывшихъ своихъ соратниковъ подчиниться горькой необходимости. Не настаивали на своемъ требованіи и послы: отложивъ взиманіе платежей до другаго времени, они отбыли изъ Новгорода «съ миромъ». Александръ остался. Прежде всего, онъ велѣлъ схватить въ Псковѣ виновнаго сына и отправилъ его, подъ стражей, во Владимиръ. Потомъ, взялся и за другихъ: какого-то «Александра и дружину его казни, овому носа урѣзаша, а иному очи выпаша, кто Василья на зло повелъ» ⁹⁴⁾. Казнь жестокая, замѣчаетъ по этому случаю, Исторіографъ; но современники—говоритъ онъ—признавали еѣ справедливою, и самый народъ считалъ ихъ (казненныхъ) виновными, ибо они возмутили сына противъ отца: столь власть родительская казалась священной: ⁹⁵⁾. Такъ же думаемъ и мы, тѣмъ больше, что приведенный выше разсказъ лѣтописца о новгородской казни 1258 г., заканчивается, очевидно не безъ цѣли, извѣстнымъ текстомъ: «всаякъ бо злыи здѣ да погыбнетъ» ⁹⁶⁾.

Весъ 1259 г. Александръ провелъ, повидимому, въ своемъ столицѣ Владимирѣ: Татары заняты были тогда удачной войной съ Литвою и Русь оставалась спокойной. Но зимой 1259—1260 г., Новгородцы, встревоженные ложнымъ слухомъ, что сплнная рать Татаръ въ низовой землѣ ждетъ приказанія двинуться на Новгородъ, собрали вѣче, и рѣшивъ: въ предупрежденіе грозы татарской, исполнить безпрекословно волю хана *дачю чтила*,—послали сказать о томъ великому князю. Александръ, получивъ такое важное извѣстіе, счелъ нужнымъ явиться въ Новгородъ лично и прїѣхалъ туда, въ началѣ 1260 г., сопровождаемый двумя ханскими чиновниками, Беркаемъ и Касачикомъ, при которыхъ находилась ихъ семья и многочисленная свита. Сначала все шло хорошо. Но когда чиновники ханскіе, неосторожными притѣсненіями возбудившіе неудовольствія, увидѣли себя не въ безопасности и, потребовавъ, получили отъ Александра охранную стражу, разумеется, изъ Новгородцевъ же,—самолюбивый Новгородъ всталъ открыто; завопилъ, что его обманули; мнѣнія въ немъ раздѣлились: Торговая сторона (чернь) поднялась на Софійскую (бояръ)—и уже не далеко было до кровопролитія, по своимъ послѣдствіямъ, пагубнаго. Но герой Невскій, не охотникъ до кровопролитія, предупредилъ

⁹¹⁾ Лаврент. Лѣтоп. с. 203.

⁹²⁾ Тамъ же.

⁹³⁾ Тамъ же.

⁹⁴⁾ Новгор. Первая Лѣтоп. с. 56.

⁹⁵⁾ Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 43.

⁹⁶⁾ Лаврент. Лѣтоп. с. 203.

бѣду способомъ самымъ мирнымъ: сопровождаемый Татарами и дружиной великокняжеской, онъ выѣхалъ изъ такъ называемаго Городища или дворца, показывая видъ, что предоставляетъ мятежный городъ его несчастной судьбѣ и гибну ханскому. Неожиданность этого выѣзда попала прямо въ цѣль, обливъ Новгородцевъ, какъ водой: изумленные, испуганные, они почему-то удостовѣрились еще больше въ существованіи «на Низу: не бывалой рати татарской и, убѣждаемые своими боярами, были челомъ Александру на всей волѣ ханской. Александръ возвратился, татарскіе чиновники принялись ковать желѣзо, пока горячо — «и почаша—говорить лѣтописецъ—бѣдяти оканьни (оканянные) по улицамъ, пишуче домы христьянскыя, зане навелъ Богъ, за грѣхы наша, изъ пустыня звѣри дивія ясти сильныхъ плѣти и пити кровь боярьскую». Такъ или почти такъ думалъ каждый Новгородецъ, глядя съ горестью и злобой на ненавистную перепись. Но дѣло было уже сдѣлано — «и отѣхаша оканьни, *вземше число*»⁹⁷⁾. Однако герой Невскій, чѣмъ могъ, порадовалъ своимъ соратникамъ, Новгородцамъ: у нихъ не оставлено тогда, и не видно потомъ, ни баскака, никакого другаго татарскаго чиновника; такъ, что ежегодную дань они должны были отсылать въ орду сами, или представлять еѣ великому князю, въ общій, такъ называемый, *выходъ ордынскій*. Это, повидимому, преимущество, быть можетъ, удовлетворявшее нѣсколько и самолюбію гордаго Новгорода, остается, въ сущности, однимъ изъ доказательствъ благоразумной и дальновидной политики Александра Невскаго, потому что, какъ замѣчаетъ — и справедливо — одинъ изъ историковъ нашихъ, «платежъ выхода *привязывалъ Новгородъ къ особъ великаго князя, который былъ посредникомъ между ханомъ и князьями и русскимъ народомъ всѣхъ подчиненныхъ земель*»⁹⁸⁾. Покончивъ такъ счастливо затруднительное дѣло новгородское, Александръ простился съ Новгородцами — уже по отѣздѣ татарскихъ численниковъ и по водвореніи на Городищѣ одного изъ сыновей своихъ, о чемъ «въ лѣтописи сказано именно: «а князь Александръ поѣхъ послѣ, посадивъ сына своего Дмитрія на столѣ (новгородскомъ)»⁹⁹⁾. Прежде однако, чѣмъ возвратиться въ столицу великокняжескую, Александръ посѣтилъ Ростовъ; и посѣщеніе это лѣтописецъ — въ выраженіяхъ, обрисовывающихъ, нѣкоторымъ образомъ, пѣвность героя Невскаго и, отчасти, патриархальный бытъ того времени — отмѣчаетъ такъ: «Пріѣхъ изъ Новгорода Александръ къ святей Богородицѣ въ Ростовъ, въ среду страстныя недѣли (1260), и кланяся святей Богородици, и цѣлова крестъ честный, и кланяся епископу Кириллу:

«Отче святыи! твоею молитвою и тамо въ Новгородѣ бѣхалъ есмь здоровъ, и сѣмо пріѣхалъ есмь твоею молитвою здоровъ. Блаженный же епископъ Кирилъ, Борисъ и Глѣбъ (Васильковичи, князья Ростовскіе)»¹⁰⁰⁾, и мать ихъ, Марья княгиня¹⁰¹⁾, чтіша Александра съ великою любовью: и поѣхъ въ Володимиръ»¹⁰²⁾.

Тутъ, во Владимірѣ, великій князь оставался спокойнымъ весь 1261 г., въ теченіе котораго, по выраженію лѣтописца, «бысть тишина»¹⁰³⁾, а герою Невскому довелось испытать двѣ радости: первая — рожденіе у него сына, Данила, впоследствии князя московскаго, сопряченнаго церковью къ лику святыхъ, отца знаменитаго Ивана Калиты; вторая — учрежденіе въ Сараѣ, столицѣ Батыевой, православной епархіи, подъ названіемъ Сарской, доказывавшее, что вѣра Христова имѣла уже тогда многочисленныхъ поклонниковъ и на низовыхъ Волги. Но въ 1262 г. спокойствіе Александра потряслось происшествіемъ, которое случилось хотя въ одномъ только краю суздальско-ростовскомъ, но, при другихъ обстоятельствахъ, могло бы отозваться горько всей землѣ Русской. Дѣло было такъ: Татары, опредѣливъ переписью количество дани съ народа русскаго, уступили эту дань, разумѣется, изъ-за наддачи къ ней, Хазарамъ и Хивинцамъ, слывущимъ въ нашихъ лѣтописяхъ вообще *бесерменами*, которые, какъ дѣлаютъ обыкновенно откупщики, старались вознаградить себя съ лихвой, а потому притѣснили всячески несчастный народъ. И вотъ, въ одно и то же время, какъ будто въ силу предварительнаго согласія, по всѣмъ городамъ суздальско-ростовскаго края загудѣли вѣчевые колокола, призывая выведенный изъ терпѣнія народъ управиться съ притѣснителями земствомъ, помимо князей. Управа эта, къ чести русскаго сердца, обошлась почти безъ кровопролитія и ограничилась единственно изгнаніемъ жестокосердыхъ откупщиковъ, — событіе, о которомъ лѣтописецъ, замѣтно сочувствующій ему, повѣствуетъ такъ: «Избави Богъ отъ лютаго томленья бесурменскаго люди Ростовскія земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь, и выгнаша изъ городовъ: изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суздаля, изъ Ярославля; окупахуть бо ти оканьни бесурмене дани, и отъ того велику пагубу людемъ творяхуть, работяще рѣзы (проценты), и многы души крестьянскыя роздно ведоша. Видѣвше же челоуколюбець Богъ, послуша моленья Матерня,

¹⁰⁰⁾ Борисъ Васильковичъ, князь ростовскій, почти неразлучный спутникъ Александра Невскаго, своего дяди, род. 1231 † 1277 г. Глѣбъ Васильковичъ, впоследствии князь Бѣлозерскій, † 1278.

¹⁰¹⁾ Марія, жена Василька Константиновича (р. 1209 † 1238), князя ростовскаго, убитаго Татарами и сопряченнаго церковью къ лику святыхъ, была дочь Михаила Всеволодовича, князя черниговскаго, также призваннаго святымъ.

¹⁰²⁾ Лаврент. Лѣтоп. с. 203.

¹⁰³⁾ Новгород. Первая Лѣтоп. с. 57.

⁹⁷⁾ Новгород. Первая Лѣтоп. с. 57.

⁹⁸⁾ Костомаровъ: Сѣвернорус. народопр. т. I, с. 107.

⁹⁹⁾ Новгород. Первая Лѣтоп., с. 57.

избави люди своя отъ великия бѣды»¹⁰⁴). Впрочемъ, бѣда, собственно говоря, могла грозить еще впереди, еслибъ ханъ татарскій, долженствовавшій считать себя оскорбленнымъ въ лицѣ своихъ откупщиковъ, захотѣлъ наказать землю русскую, по тогдашнему обыкновению татарскихъ хановъ, огнемъ и мечемъ. Да и есть извѣстіе, что полки ханскіе уже выступили тогда изъ орды, неся съ собою казнь мятежникамъ¹⁰⁵). Позаботиться о предотвращеніи текой бѣды надлежало всѣми мѣрами. За этотъ тяжкій трудъ взялся опять герой Невскій, какъ старѣйшій между князьями русскими, а въ настоящемъ случаѣ, и какъ лицо больше другихъ ответственное, потому что при всѣхъ договорахъ о порядкѣ распределенія и взиманія дани—договорахъ, къ намъ не дошедшихъ, порукою въ исправныхъ платежахъ Русскими всѣхъ повинностей Александръ ставилъ Татарамъ самаго себя. На себя же, слѣдовательно, доводилось ему теперь принять и первый взрывъ свирѣпаго гнѣва ханскаго. Понимая хорошо всю опасность своего положенія, Александръ однако не остановился передъ ней, но великодушно жертвовалъ собой и, въ сборахъ къ отъѣзду въ орду, распорядился, какъ передъ смертью, напр. домохозяиномъ своимъ, отправлявшимся съ сыномъ его Дмитріемъ, княземъ новгородскимъ, въ походъ къ Дериту, даже сказалъ на прощанье: «служите сыновн моему, аки самому мнѣ, всѣмъ животомъ своимъ»¹⁰⁶).

Александръ поѣхалъ, достигнувъ орды, нашелъ хана (Берку) въ Сарай. предсталъ ему—и обезоружилъ его. «Сей Батыевъ преемникъ—пишетъ о ханѣ Берку Исторіографъ нашъ—любилъ искусства и науки, ласкалъ ученыхъ и художниковъ, украсилъ новыми зданіями свою кипчакскую столицу, позволилъ Россіянамъ, въ ней обитающимъ свободно отправлять христіанское богослуженіе»¹⁰⁷). Къ сожалѣнію, подробности этой поѣздки Александра въ орду, бывшей для него четвертою и послѣднею, остаются неизвѣстными. Видно только, что полки ханскіе, уже двинутые на Русь, предательствомъ Александра—возвращены съ дороги и отношенія самой Руси въ Татарамъ подтверждены на прежнихъ основаніяхъ. Кромѣ того, Александру удалось отклонить ханское требованіе русскаго войска, для похода куда-то съ Татарами¹⁰⁸). Дѣла такой важности, конечно, не могли оборачиваться около пальца—и Александръ, по свидѣтельству лѣтописей, оставался въ ордѣ цѣлый годъ. Тамъ, слѣдовательно, узналъ онъ объ удачномъ концѣ похода сына своего, Дмитрія, подъ

Деритъ, который «единымъ приступленіемъ взять бысть. и люди многы града того овы побиша, а други изъ имапа живы; а инии огнемъ пожжени, и жены ихъ и дѣти, и взяша товара безъ числа, и полова»¹⁰⁹). Между тѣмъ, здоровье Александра, ослабленное, въ особенности послѣднимъ пребываніемъ великаго князя въ ордѣ, начинало измѣнять герою Невскому, лѣтами далеко еще не старому, и онъ, отпущенный, наконецъ, ханомъ, но уже полу-больной, осенью 1263 г. предпринялъ обратный путь въ отечество. Дорогою, Александръ ослабѣлъ еще больше и долженъ былъ приостановиться въ Нижнемъ-Новгородѣ, откуда, послѣ кратковременнаго отдыха, онъ отправился было далѣе, но, пріѣхавъ въ Городецъ-Волжскій, разнемогся сбвѣсмъ и слегъ тутъ же въ Федоровскомъ монастырѣ¹¹⁰). Силы больного упали постепенно, Александръ чувствовалъ близость смерти, желалъ постриженія и принялъ его, съ именемъ *Алексія*. Приближенные, простившись уже съ умирающимъ, рыдали у одра его: «Удадитесь и не смущайте души моей жалостію!» молилъ ихъ государь-иннокъ¹¹¹). Началась агонія, иннокъ Алексій посвященъ въ схиму и, ночью на 14 ноября, его не стало... «О!—воскликаетъ одинъ изъ очевидцевъ этой смерти—горе тебѣ, бѣдный человѣче! Какъ можеша написать кончину господина своего? Какъ не упадетъ ти зѣнници вкупѣ со слезами? Какъ же не урвется сердце твое отъ коренія? отца бо оставити челоувѣкъ можетъ, а добра господина не мощно оставити; аще бы лѣзъ и въ гробъ бы лѣзлъ съ нимъ»¹¹²). Такъ умѣлъ Александръ привязывать къ себѣ сердца людей, любившихъ въ немъ «господина» больше, нежели любить обыкновенно отца роднаго!

Печальная вѣсть долетѣла во Владиміръ скоро. Тамъшній митрополитъ Кириллъ узналъ о несчастіи первомъ и, находясь тогда въ служеніи, воскликнулъ, со слезами, къ народу: «Чада моя милая! разумѣйте, яко зайдетъ солнце русской земли!» Народъ понялъ эти слова—и отвѣтствовалъ единогласно: «уже погыбаемъ!» 24 ноября, все населеніе стольнаго Владиміра, «маліи и велиціи», двинулось за 10 верстъ отъ города, къ монастырю Боголюбову, встрѣчать тѣло усопшаго государя. Тутъ, и на всемъ пути до Владиміра, происходило зрѣлище любви и скорби: «народи же—разказываетъ очевидецъ—сѣгнатахутся (тѣснились), хотяще прикоснуться на честиѣмъ одрѣ святаго тѣла его, бысть же воупъ и кричаніе и туга, *яка же нѣсть была*, яко и

¹⁰⁹) Новгород. Первая Лѣтоп. с. 57.

¹¹⁰) Федоровскій-Городецкій или Радилевскій мужскій заштатный монастырь, въ селѣ Городецѣ, балахнинскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Волги. Основанъ, кн. Юріемъ лековскимъ, въ 1164 г. Называется Радилевскимъ по бывшему тутъ, на мѣстѣ села Городца, городу, Радилеву, извѣстному въ исторіи съ 1171 г.

¹¹¹) «Житіе св. Александра», рукоп. Спб. Дух. Акад. № 273. — Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 56.

¹¹²) Псков. Вторая Лѣтоп. с. 5.

¹⁰⁴) Тамъ же, с. 204.

¹⁰⁵) Времянникъ (Софійскій), ч. I, с. 272.

¹⁰⁶) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, прим. 107.

¹⁰⁷) Тамъ же, с. 56.

¹⁰⁸) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 56. — Бѣляевъ: Вѣд. кн. Алек. Яросл. Певскій, с. 40.

земли потрясися». По принесеніи ора съ тѣломъ во Владиміръ, началось отпѣваніе тѣла, въ Рождественскомъ монастырѣ» ¹¹³⁾. «Бысть же тогда—продолжаетъ очевидецъ—чудо дивно и памяти достойно: егда убо положено бысть святое тѣло его (Александра) въ раку (гробъ), тогда Савастіанъ иконою и Кирилъ митрополитъ хотя розъяти ему руку, да вложатъ ему грамоту душевную, онъ же акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взять грамоту отъ руки митрополита; и пріять же я ужасъ, и одва отступиша отъ раки его. Се же бысть слышано всемъ отъ господина митрополита и отъ иконома его Савастіана. Кто не удивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущю и везому отъ далнихъ градъ въ зимное время? И тако прослави Богъ угодника своего» ¹¹⁴⁾. Погребеніе тѣла, отъ многихъ почитавшагося уже святымъ, совершенно тутъ же, въ соборной Богородицкой церкви владимірскаго Рождественскаго монастыря. Надъ могилой почившаго героя помѣщена тогда же та самая икона Знаменія Божіей Матери, которую онъ носилъ съ собою въ походахъ ¹¹⁵⁾.

Такъ жилъ и умеръ великій князь Александръ Невскій. Сожалѣніе о смерти его было въ русской землѣ повсемѣстное. Современники Александра чувствовали, что съ этой смертью они теряютъ государя, который «многъ трудъ показа по богодарованной ему державѣ всею рускія земля (sic), и животь своей полагаая за православную вѣру» ¹¹⁶⁾. Даже лѣтописецъ Новгорода, съ Александромъ часто неладившаго, отъявку свою о погребеніи героя Невскаго заключаетъ слѣдующими, очевидно, сердечными словами: «дай, Господи милостивый, видѣти ему лице твое въ будущій вѣкъ, иже потрудиши за Новъгородъ и за всю русьскую землю» ¹¹⁷⁾. Къ этому присоединились воспоминанія, что почившій государь «бѣ иереилюбецъ и мнихолюбецъ, и нищиа любя, митрополита же и епископы чтяше и послушаша ихъ, акы самого Христа» ¹¹⁸⁾. Наконецъ, въ понятіяхъ современниковъ Александра и въ преданіяхъ полюбившій, къ нему ближайшихъ, сложилась слѣдующія черты нравственной личности героя Невскаго: «Сей благовѣрный и благород-

ный, Богомъ преудобренный и хваламъ достойный великій князь... во все время юности своея смиренномудріе введущно держаше. воздержася и бдя, чистоту душевную и тѣлесную соблюдаше, кротость же стяжа и тщеславія отвращася, и много полагаше тщаніе чрево удержавати, вѣдѣй, яко чревное насыщеніе цѣломудріе раззаряетъ, и бдѣнію спону (помѣху) сотворяетъ, и прочимъ добродѣтелямъ сопротивляется. Во устѣхъ же его безпрестани бяху божественная словеса, усажающа его паче меда и сота; прочитая же ихъ со усердіемъ, и внимаше, и желаше сихъ реченная и дѣломъ исполняти... Аще бо и честію земнаго царствія почтенъ бысть отъ Бога, и супруга имъ и чада прижи, но смиренную мудрость стяжа паче всехъ человѣкъ... По премногу же милостивъ бысть... Самъ всегда Богомъ сохраняемъ, и отъ всехъ противныхъ вездѣ невредимъ пребываше. Наипаче же удиви Господь милость свою на немъ и бысть всемъ противнымъ страшень и грозень, и по всюду имени его трепетаху. Мудрость же и остроуміе дадеши ему отъ Бога яко Соломону. Паче же всего любяше правосудіе, о немъ и боярѣ своихъ часто наказуи притчамъ отъ божественныхъ писаній, яко да преже всего воспроесть отъ Бога премудрости, и отъ піяества удержася, и сами предъ Богомъ да смирятся, да не забудутъ праведно судити, и не познаютъ лица сильнаго, и не пріемлютъ мзды неправедныя, и никого же обидятъ, но да избавятъ обидима отъ руки обидящихъ, и паче повелѣннаго имъ ничто же вземлютъ, но доволни будутъ оброки своимъ. И тако многажды глаголаше, овогда своея державы страхомъ воспрещаше имъ, овогда же и вѣчное возданіе предлагаше имъ, паче на страшнѣмъ судѣ Христовѣ комуждо по дѣломъ его. Боярѣ же и вси людіе, видяще отъ Бога дарованную ему премудрость, ничто же могуще отвѣщавати, но вседушно обѣщаваша творити, яко же повелѣваше имъ» ¹¹⁹⁾.

Такия понятія и преданія были причиною, что память объ Александрѣ Невскомъ не только не исчезала, но, напротивъ, пріобрѣтала больше и больше характеръ чего-то священнаго и, наконецъ, съ теченіемъ времени, перенесла въ область вѣрованій. Надъ мѣстомъ погребенія тѣла героя Невскаго начался знаменія. Вотъ сказаніе о первомъ изъ нихъ, относящееся къ 1380 г., когда Дмитрій Донской выступалъ на брань съ Мамаемъ: «Въ пріимитомъ градѣ Владимири, во обители Пречистыя Богородицы честнаго ея Рождества, у честныя раки блаженнаго великаго князя Александра, во одну отъ нощей, понамареви церкви тоя *стяжу* въ паперти церковней, и *видѣ* въ церкви свѣщи о себѣ возгорѣвшася, и два старца изыдоша честна отъ святаго олтаря, и придоша ко гробу блаженнаго Александра, и глаголаста: «О господине Александре! востанц, и ускори на помощь пра-

¹¹³⁾ Рождественскій монастырь, бывший кафедральнымъ іерарховъ владимірскихъ, основанъ вел. кн. Всеволодомъ III, въ 1191 г., и упраздненный съ 1764 г., остается теперь церковью въ Кремлѣ г. Владиміра на Клязьмѣ.

¹¹⁴⁾ Псков. Вторая Лѣтоп. с. 5. — Врежанины (Софійскій), ч. I, с. 273. — «Житіе св. Александра» рукоп. Александровск. Лавры, л. 69, на об.

¹¹⁵⁾ Ратшинъ: Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчательныхъ церквяхъ въ Россіи. Изд. 1852. с. 42.

¹¹⁶⁾ Киприанъ, св., и Макарій митрополиты: Книга Степенная царскаго родословія, содержащая исторію Россійскую, съ начала оныя до времени государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича. Изд. 1775. ч. I, с. 373—374.

¹¹⁷⁾ Новгород. Перв. Лѣтоп. с. 58.

¹¹⁸⁾ Псков. Вторая Лѣтоп. с. 5.

¹¹⁹⁾ Книга Степенная, ч. I, с. 355—357.

внуку своему великому князю Димитрію, одолѣваему сущу отъ иноплемянныхъ». И въ той часъ святой великій князь Александръ воста изъ гроба, и абіе со обѣма старцама вскорѣ невидима быста. Понамарь же повѣда таковое всему священному собору. Они же много молировавше, и дерзнувше копати мѣсто, и дѣже положенъ бысть, и обрѣтоша честныя его мощи цѣлы, и тлѣнію не причастны. И со многимъ благоговѣніемъ взявше, и положиша ихъ честно въ рацѣ *сверху земли*, и отгуду наипаче благоволеніемъ Божиимъ начаша отъ него бывать много чудеса и различна недужнымъ исцѣленія»¹²⁰⁾. Въ 1491 г. владимірскій Рождественскій монастырь сгорѣлъ, и къ этому случаю приурочено второе сказаніе, которое повѣствуется такъ: «*О явленіи на воздусѣ святого великаго князя Александра Невскаго, и о пожарѣ*. Въ лѣто 6999 (1491) мая въ 23 день, въ понедѣльникъ, въ преименитомъ градѣ Владимірѣ бысть ужасно видѣніе и страшно явленіе и грозно знаменіе гнѣва Божія, имъ же наказуя насъ Богъ, и отъ грѣхъ на покаяніе приводя. *Иже глаголютъ нынѣ*, яко иѣкогда во единъ отъ днѣй, по божественной литургіи, видѣша мнози надъ каменною церковію Рождества Пречистыя Богородицы славныя обители честнаго архимандритства, прямо чудесныхъ мощей блаженнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго, во иноцѣхъ же Алексѣя, отъ самого верха церкви той, видѣша необычно видѣніе, яко облакъ легкій протизашеса, или яко дымъ тонокъ изливаясь, обѣлостію же яко иней чистъ, свѣтлостію же яко солнцу подобообразно блещая; и дѣже тогда въ тонкости и свѣтлости облака того видѣша подобіе образа блаженнаго великаго князя Александра на коши выспрѣ, яко къ небеси, взпаяся вѣдѣща. Людіе же, видѣвши сіе, великимъ страхомъ и ужасомъ одержими бяху, и начаша по всему граду звонити. И абіе въ полдень дни того таково великъ пожаръ бысть, яко весь градъ и со всѣми дома згорѣ, тако же и посады. Еще же во градѣ томъ и самый пречестный той вышереченный монастырь Пречистыя Богородицы честнаго ея Рождества погорѣ; въ церковь же ту собрашася множество инокъ и мѣрихъ со множествомъ имѣніемъ (sic). И абіе Божиимъ попусценіемъ и внутрь церкви той все выгорѣ, п съ людьми. И чудотворныя же мощи святаго и преподобнаго великаго князя Александра Ярославича, на нихъ же еще и бысть видѣти *ничто огненнаго знаменія*, но обаче Богомъ тако сохранена быша, яко и целена, иже быше во гробѣ его, обрѣтесе невреджена отъ непостояннаго того огня»¹²¹⁾. Сказаніе о третьемъ знаменіи сообщаетъ, что, въ 1541 г. «по праздницѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, въ день пятка, по отпущеніи вечерни, загорѣся свѣща о себѣ у

гроба блаженнаго великаго князя Александра, и сіе видѣша мнози отъ братіи; понамареви же просту сущу, и неразумѣющу преславнаго чудодѣйствія, зѣло ужасеся, и абіе погаси свѣщу оную, небеснаго огня свѣщеніе. Возвѣщенію же бысть сіе архимандриту Ефросину: онъ же прииде скоро, и осыза рубою своею свѣщу оную, и ощути еще воскъ теплъ. и дѣже было небеснаго огня возгорѣніе. Та бо свѣща отъ многихъ лѣтъ не быше возжена, но поставляху на ней инныя свѣщи, и вжигашу»¹²²⁾. Передаваясь изъ рода въ родъ, сказанія эти, повидимому, убѣдили достаточно Макарія, митрополита московскаго, предложить объ установленіи впредь общаго, по всей Россіи, празднованія св. Александру Невскому, которое, до того времени, совершалось мѣстно, только въ одномъ Владимірѣ, — и предложеніе Макарія утверждено Московскимъ соборомъ 1547 г.¹²³⁾. Пять лѣтъ спустя, очевидемъ новаго знаменія отъ мощей св. Александра Невскаго довелось быти и царю Ивану IV Васильевичу Грозному, какъ, по крайней мѣрѣ, увѣриеть въ томъ одинъ изъ его современниковъ, повѣствующій, главнымъ образомъ, о себѣ самомъ — слѣдующее: «Когда идыи (царь) къ Казани ратию, и бывшу ему во градѣ Владиміри, и въ монастыри въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы моленія своя къ Богу исполняющіи, и тогда въ церкви той, во время соборныя молитвы, случися быти ту у цѣлбоузнаго гроба блаженнаго и великаго князя Александра и *мнѣ* грѣшнѣйшему. И видѣ же, близъ помосту церковнаго, на гробѣ блаженнаго малу скважню; и яко уразумѣти хотя: что есть скважня она? и вложихъ персты руки моея въ скважню ту, и очутихъ яко въ масть иѣкую омочихъ руку мою, на ней же быше струи иѣкаковъ малъ отъ многа времени; и абіе исторгнухъ отъ скважни руку мою, и чюяшеса на ней яко масломъ маститомъ, или яко миромъ благовонымъ, помазаній; и струи на ней не обрѣтесе отъ дни того и до нынѣ»¹²⁴⁾.

Въ 1695 г. устроена въ Москвѣ первая рака для мощей св. Александра Невскаго — деревянная, въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ изящной рѣзной работы, съ ликомъ святаго на верху, четырьмя кругами по сторонамъ, заключавшими въ себѣ начертаніе краткаго житія угодника, и слѣдующею надписью по верхнему обводу раки: «Въ сей сребропозлащенной рацѣ положенныя Святыя Мощи Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Князя Александра Ярославича, во иноцѣхъ Преподобнаго Алексія Невскаго і Владимірскаго і всея Россіи Чудотворца, внука бывша Всеволоду, правнука Георгію Долгоруку, праправнука Владиміру Маюмаху, иже былъ пра-

¹²⁰⁾ Тамъ же, с. 374.

¹²¹⁾ Тамъ же, ч. II, с. 155—156.

¹²²⁾ Тамъ же, ч. I, с. 375.

¹²³⁾ Евгений (Болховитиновъ) митрополитъ: Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. Изд. 1827. т. II, с. 16.

¹²⁴⁾ Книга Степенная, ч. II, с. 157.

внукъ Великому Князю Владиміру Святославичу, во Святѣмъ Крещеніи нареченному Василю, просвѣтившему Россійскую землю Святѣмъ Крещеніемъ, отъ него же осмь степенъ великихъ князей Александръ»¹²⁵). Рака покрыта была большой плащаницей, съ изображеніемъ св. Александра, вышитымъ по камкѣ; надъ главою—образъ св. Троицы; вѣнцы обнизаны жемчугомъ; опушка—атласъ зеленый; тропарь и конда къ шиты золотомъ и серебромъ; подбой—красная тафта. Въ эту раку св. мощи вложены въ 1697 г. Иларіономъ, митрополитомъ суздальскимъ, и пребывали на томъ же мѣстѣ, въ соборной Богородицкой церкви владимірскаго Рождественскаго монастыря, до 1723 г., когда императоръ Петръ I, обстроивъ свою сѣверную столицу, задумалъ украсить её святынею мощей побѣдителя Шведовъ на Невѣ и, указомъ 29 мая, повелѣлъ перенести эту святыню въ С.-Петербургъ, а для необходимыхъ приготовленій къ такому перенесенію—нарядить особую комиссію, подъ вѣдѣніемъ св. снуда.

Комиссія приступила къ дѣлу немедленно. По распоряженію св. снуда, устроены были: ковчегъ, для вмѣщенія рака съ св. мощами, и балдахинъ, для осѣненія ковчегъ, —оба съ приличнымъ «державной персонѣ» украшеніемъ. Ковчегъ, обитый малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, имѣлъ, утвержденною на крышкѣ, подушку лазореваго цвѣта, обложенную со всѣхъ сторонъ золотымъ же позументомъ съ кистями; подушка увѣнчивалась княжеской шапкой малиноваго бархата, обложенной на-крестъ широкимъ нѣмецкимъ позументомъ и опушенной горностаемъ, съ серебрянымъ вызолоченымъ крестомъ на верху. Балдахинъ, обитый снаружи таушнымъ (темновишневымъ) бархатомъ, а внутри малиновымъ байберкомъ (шелковая матерія), и обложенный весь золотымъ позументомъ, имѣлъ на верху жѣдный вызолоченный крестъ, а по сторонамъ четыре такія же лампы.

Сопровождать св. мощи отъ города Владиміра до С.-Петербурга, снудальнымъ указомъ предписано Рождественскаго монастыря архимандриту Сергію, «яко въ первостепенныхъ всероссійскихъ архимандритахъ третій градусъ имущему»; а въ Сенатъ сообщено о назначеніи «достойной изъ знатнаго офицерства персоны, могущей быть въ уравненіи противъ того архимандритскаго градуа»; и сенатскимъ опредѣленіемъ въ должность эту назначенъ окольнічій Михаилъ Васильевичъ Собакинъ. Архимандриту и окольнічему вмѣнялось въ обязанность: сопровождать св. мощи съ строгимъ наблюденіемъ, чтобъ въ мѣстахъ неудобныхъ не произошло излишняго замедленія, а въ удобныхъ «вредительной» поспѣшности; чтобъ всѣ, при мощахъ находящіеся, какъ духовныя лица, такъ и охранный караулъ, «разсмотрительно опре-

дѣленный», были неотлучны; наконецъ, чтобъ никакихъ притомъ «сквернословій и непотребныхъ дѣйствъ» ни отъ кого отнюдь не происходило. Имѣть станы приказано не иначе, какъ «въ удобныхъ полевыхъ мѣстахъ», при чемъ ковчегъ съ св. мощами содержать въ шатрѣ, подъ надлежащимъ присмотромъ и храненіемъ.

11 августа 1723 г., послѣ литургіи, при молебномъ пѣніи, св. мощи поставлены «честно» въ изготовленный ковчегъ и, окружаемыя тѣснящимся къ нимъ народомъ, вынесены изъ Рождественскаго монастыря, съ процессією и колокольнымъ звономъ; 17 того же мѣсяца, къ вечеру, прибыли въ Москву и состояли, до утра, у пруда, что подъ Краснымъ селомъ, близъ двора князя-кесаря Ивана Ѳеодоровича Ромодановскаго; 18 числа, въ 6 часовъ утра, привѣтствованы благовѣстомъ съ Ивановской колокольни, а въ 7 часовъ на срѣтеніе имъ вышли крестнымъ ходомъ изъ Успенскаго собора духовныя «персоны» съ многочисленнымъ народомъ, причемъ молебное пѣніе совершено у церкви Василія Кесарійскаго, потому что ни въ одни кремлевскіе ворота, за высоту балдахина, пройти было нельзя; и отсюда, уже въ 3 часу дня, несены далѣе, въ сопровожденіи назначенныхъ слѣдовать за ними до села Всесвятскаго протоіереевъ дворцоваго Верхоспасскаго собора, съ духовенствомъ всего Никитскаго сѣрока, между тѣмъ какъ по всей Москвѣ, до самаго вечера, происходилъ звонъ. Не доходя Всесвятскаго, ковчегъ съ св. мощами былъ поставленъ на полѣ, подъ царскимъ шатромъ, и тутъ, для множества поклонниковъ, священники молебноваали почти всю ночь. Отъ села Всесвятскаго до села Никольскаго св. мощи провожала Дарья Арчилвна, царица имеретійская, со всѣми своими домашними. Пронесенныя, 26 августа, съ обычнымъ торжествомъ, черезъ Тверь, св. мощи, 7 сентября, въ Бронницахъ, поставлены на судно и, 9 числа, въ водахъ озера Ильмена, встрѣчены братією Юрьева монастыря на лодкахъ, а по изнесеніи на берегъ—приняты съ честію епископомъ, всѣмъ духовенствомъ и множествомъ обывателей Новгорода, въ сопровожденіи которыхъ процессія св. мощей слѣдовала до соборной церкви Юрьева монастыря, гдѣ ковчегъ поставленъ у сѣверныхъ дверей. Отсюда, 10 сентября, послѣ литургіи и молебна, св. мощи, сопровождаемыя епископомъ новгородскимъ, съ соборомъ всего духовенства, несены черезъ Волховскій мостъ, а за тѣмъ, поставлены опять на судно, везены, въ томъ же сопровожденіи, до новгородскаго Антоніева монастыря, у котораго, на суднѣ же, прочтено самимъ епископомъ напутственное евангаліе. Въ дальнѣйшемъ шествіи до Ладоги, ковчегъ съ св. мощами срѣтаемъ былъ духовными процессіями по чину. Изъ Ладоги процессія св. мощей слѣдовала сухимъ путемъ и очень спѣшила, чтобъ къ дню 30 августа, годовщинѣ заключенія славнаго нейштадтскаго мира, быть въ С.-Петербургѣ. Но такъ какъ день этотъ приближался, а про-

¹²⁵) Жизнь св. благов. вел. кн. Алек. Нев. Изд. 1853. с. 91.

цессія была еще далеко отъ Петербурга, то Петръ, 28 августа, послалъ ей указъ: не спѣша къ Петербургу, направиться въ Шлиссельбургъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. 18 сентября процессія св. мощей прибыла въ Шлиссельбургъ, гдѣ, 1 октября, по Высочайшему указу, св. мощи вынуты изъ ковчега и поставлены въ каменной церкви Благовѣщенія. Здѣсь находились онѣ до 30 августа 1724 г., — дня, назначеннаго для торжественнаго перенесенія ихъ въ С.-Петербургъ.

Въ этотъ назначенный день, императоръ Петръ I, въ сопровожденіи всего генералитета, выѣхалъ на галерѣ къ устью Ижоры, тутъ встрѣтилъ св. мощи, шедшія изъ Шлиссельбурга на яхтѣ и, снявъ ихъ собственноручно съ яхты на галеру, самъ сѣлъ къ рулю, а генераловъ посадилъ къ весламъ. Плаваніе съ пушечной пальбой продолжалось, такимъ образомъ, до самой ограды Александровскаго монастыря, къ которому, на срѣтеніе св. мощамъ, былъ выведенъ Вотивъ Петра, подъ императорскимъ штандартомъ. Когда галера пристала къ берегу, самъ государь, при немолкаемомъ громѣ орудій и бѣлаго огня, подиалъ, съ генералами, св. мощи и донесъ ихъ собственноручно къ назначенному мѣсту—въ верхнемъ Александровскомъ придѣлѣ каменной Благовѣщенской церкви Александровскаго монастыря. Тогда же послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 30 августа, день *перенесенія мощей* св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго, отнынѣ и впредь праздновать ежегодно и повсемѣстно. Императрица Екатерина I, преемница Петра и исполнительница многихъ его предначертаній, учредившая, 21 мая 1725 г., въ честь и память св. Александра Невскаго, новый кавалерскій орденъ, любила окружать день 30 августа особенной торжественностью. Вотъ, напр., любопытная записка Александровскаго монастыря, заключающая въ себѣ программу и исполненіе церемональнаго отправленія дня 30 августа въ 1726 г. «1) О присутствіи Ея Имп. Вел. съ высокою ихъ фамилією заранѣе праздника ѣхать г-ну архимандриту съ прошеніемъ къ Ея Вел. на праздникъ: ко всенощной ли или къ литургіи изволитъ быть, сухимъ путемъ или флотомъ; о томъ объявить въ монастырь. 2) По той вѣдомости, въ церкви, гдѣ стоятъ Ея Вел.—ву, велѣтъ убрать мѣсто архитектору, и гдѣ стоять Ихъ Вел. фамиліи, изъ трапезы обставить ширмами, и, взявъ у ризничаго, наслатъ коврами. 3) Если Ея Имп. Вел. изволитъ быть ко всенощной, заготовить архитектору, гдѣ надлежитъ, приличную иллюминацію. 4) Если Ея Вел. изволитъ быть сухимъ путемъ, разставить вѣстовыхъ и смотрѣть, когда Ея Вел. выступитъ до кареты, ѣхать на-скоро и репортовать о томъ эконому, а сему донести архимандриту и велѣтъ лцать благовѣсть. Когда Ея Вел. будетъ выѣзжать изъ Аничковой (слободы), тогда, если это будетъ вечеромъ, въ монастырѣ и слободахъ зажечь свѣчи и

иллюминацію. 5) На колокольнѣ звонарямъ смотрѣть, какъ Ея Вел. приближаться будетъ къ слободѣ Невской (нынѣшняя Каретная): тогда звонить во вся, пока въ монастырь взойдетъ. 6) При въѣздѣ въ монастырь, отдать Ея Вел.—ву честь пушечною пальбой, изъ всѣхъ пушекъ (монастырскихъ). 7) Монахамъ въ монастырѣ, отъ каменной церкви на мосту, стоять въ мантияхъ, въ двѣ линіи, и отзать Ея Вел. поклонъ. 8) А ежели Ея Вел. въ Невскій монастырь изволитъ быть флотомъ, то поставить дозорщиковъ и у Литейнаго двора, противъ Охты, и смотрѣть: когда Ея Вел. взойдетъ въ яхту, ѣхать на-скоро и репортовать эконому. 9) Когда яхта будетъ равняться противъ слободы (Невской), тогда звонить во вся, пока дойдутъ до Черной рѣчки; какъ поравняется съ монастыремъ, тогда отдать честь пушечною пальбой изъ всѣхъ пушекъ; а потомъ — наки звонить, пока войдутъ въ церковь; а при входѣ въ монастырь—монахамъ поклонъ отдать противъ вышешлепнаго. 10) Если знатнымъ господамъ, прѣзжающимъ ко всенощной, будутъ требовать квартиры, —отводить въ слободахъ. *Исполненіе.* Государыня Императрица изволила быть къ литургіи. При этомъ случаѣ, для пріемства Ея Вел.—ва, честь отана Ея Вел.—ву съ 21 пушки. Морскому флоту, по прѣздѣ къ монастырю, (салютъ) съ 11 пушекъ. По отходѣ обѣдни, данъ сигналъ съ 11 пушекъ. Какъ Ея Вел. изволила хлѣба кушать: по бѣлому флагу—2 сигнала съ 11 пушекъ; по синему флагу—3 сигнала съ 7 пушекъ; по красному флагу—съ 5 пушекъ. На отбытіе Ея Вел.—ва изъ монастыря—съ 11 пушекъ. Морскому флоту, на отъздѣ, съ 11 пушекъ¹²⁶⁾.

30 августа 1753 г., мощи св. Александра Невскаго, вмѣстѣ съ прежней деревянной ракой, въ которой онѣ принесены изъ Владиміра, положены въ новую раку, устроенную, по Высочайшему повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны, изъ перваго серебра, добытаго въ колыванскихъ рудникахъ. Рака эта, замѣчательная въ художественномъ отношеніи, вѣситъ одного чистаго серебра 86 пудовъ 30 фунтовъ. Она украшена чеканными барельефами, представляющими важнѣйшіе подвиги жизни и кончину св. князя. Съ правой стороны, въ кругу, вырѣзана слѣдующая, сочиненная Ломоносовымъ, надпись въ стихахъ:

Святый и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ
И на берега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ
И гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ

Являя дщерь Его усердіе святое,
Сему защитнику воздвигла раку въ честь —

¹²⁶⁾ Духовная бесѣда. 1859. № 35, с. 273—274.

Отъ перваго сребра, что иждо Ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила съезъ.

Вверху этого круга—два ангела, изъ которыхъ одинъ указываетъ перстомъ написанное, другой трубить. По бокамъ, двѣ женскія фигуры, очевидно, символическія: первая держитъ въ одной рукѣ книгу, въ другой фавелъ; вторая—въ одной рукѣ мечъ, въ другой вѣсы. Мѣста, не занятыя изображениями, украшены чеканными цвѣтами и гирляндами. На верхней доскѣ раки написано, по атласу, образъ св. Александра Невского. Серебряная крышка раки утверждена надъ нею въ видѣ бадахиша на 4-хъ подставкахъ, обвитыхъ серебрянымъ гасомъ, и окаймлена со всѣхъ сторонъ золотой бахромой, съ кистями. На крышкѣ—атласная подушка, съ бахромой, кистями и утвержденными вверху ея, княжескими регалиями: короной, державой и мечемъ. Позади раки, въ углубленіи, сооружена высокая серебряная, пирамида, съ чеканными изображениями св. князя и его княгини: по сторонамъ, атласныя вазы съ цвѣтами; а повыше ихъ, — два литыя изображенія ангеловъ, держащихъ серебряныя щиты, на которыхъ вырѣзаны надписи, сочиненныя Ломоносовымъ же и расположенныя въ такомъ порядкѣ:

1.

«Богу
Всемогущему
и Его Угоднику
Благоверному
и Велкому
Князю
Александру Невскому,
Россовъ усердному защитнику,
презрѣвшему прещеніе мучителя,
тварь боготворить повелѣвшаго,
укротившему варварство на
востокъ,
низложившему зависть на
западъ,
по земномъ княженіи въ вѣчное
царство переселенному въ лѣто
1263.

2.

Усердіемъ
Петра Великаго,
на мѣсто древнихъ и новыхъ

побѣдъ перенесенному
1724 года.

Державиѣйшая
Елизавета,
отеческаго во святыхъ почитанія
подражательница,
въ нему
благочестіемъ
усердствуя,
сію
мужества и святости его дѣлами
украшенную раку изъ первообразъ-
тезнаго при Ея
благословенной державѣ
сребра
сооружить благоволила
въ лѣто 1752».

По обѣимъ сторонамъ пирамиды поставлены литыя изъ сребра трофеи св. князя, съ воинскими доспѣхами и оружіемъ стараго времени. Рака эта, по словамъ одного стариннаго описателя Петербурга, «сдѣлана была чрезъ многіе годы, и въ первыхъ на праздникъ поставлена была одна рака, потомъ послѣ пирамида, а въ 1753 году и совѣмъ во описаніе приведена»¹²⁷⁾.

Пребываніе этой раки на первоначальномъ мѣстѣ положенія св. мощей и ея постановки въ верхнемъ Александровскомъ придѣлѣ лаврекой Благовѣщенской церкви, продолжалось до отстройки и освященія въ лаврѣ большаго соборнаго храма во имя Живоначальной Троицы, по совершеніи которыхъ, рака съ св. мощами, 30 августа 1790 г., въ прѣутствіи императрицы Екатерины II и наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича, перенесена въ новозданный Троицкій соборъ и поставлена въ полукруглой нишѣ, за правымъ вѣпросомъ.

Тутъ, рака съ мощами св. Александра Невского находится и теперь, живо напоминая всѣмъ того, кто, по справедливому выраженію древнихъ русскихъ книжниковъ, «отъ добродѣтели многу и преславу пріобрѣте похвалу, не токмо отъ чловѣкъ, но и отъ самого Бога»¹²⁸⁾.

М. Д. Хмыровъ.

¹²⁷⁾ Богдановъ: Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 г. Изд. (Рубана) 1779, с. 366.

¹²⁸⁾ Книга Стененная, ч. I, с. 355.